

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5580161>

Параллельные пересекаются

Направленность: Слэш

Автор: Mitt (<https://ficbook.net/authors/113076>)

Соавторы: Soulcapturer (<https://ficbook.net/authors/1170417>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: 8.0.2-альфа "Арронакс", Сергей Данилов

Рейтинг: R

Жанры: Драма, Фантастика, Мистика, Повседневность

Предупреждения: Нецензурная лексика, Ксенофилия

Размер: планируется Макси, написано 43 страницы

Кол-во частей: 5

Статус: в процессе

Описание:

Параллельные прямые пересекаются. Доказано. Параллельные миры пересекаются. Проверено. И где-то на пересечении миров и прямых случается то, что никогда бы не случилось в обычном мире, на обычном отрезке человеческой жизни.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Исправленный и обновленный цикл текстов об Эрре и Сергее.

ТОС

ТОС	2
Пролог	3
Глава 1. Привет из прошлого	6
Глава 2. Пластырь, как предлог	14
Глава 3. Больше не секретное досье	27
Глава 4. Ленинкент	44

Пролог

Серый безлюдный коридор тянулся вперед, матово поблескивая закрытыми створками дверей. Так тихо, все спят. Ночная смена где-то в подсобке попивает крепкий кофе и режется в карты, а те, кто застрял в лаборатории, вряд ли оторвутся от микроскопа, чтобы оглядываться по сторонам. Так и должно быть, ничто не нарушит ночной покой исследовательского института в то время, когда выносят его самый ценный образец.

Никэ коротко взмахнула рукой и скользнула за угол коридора. Айт со своей ношей послушно остановился, ожидая повторного сигнала. Шесть секунд и Никэ выглядывает из-за угла, кивая, что путь чист. Камера наблюдения послушно отвернулась в другую сторону. Их пребывание здесь не должен заметить никто. Чистая операция, никаких случайных жертв, отпечатков и попаданий в объектив. Охрана на входе выведена из строя нервно-паралитическим газом и пробудет в отключке еще минут сорок. Этого с лихвой хватит на то, чтобы покинуть территорию Института и убраться на безопасное расстояние.

Их идеальный план включал в себя риск случайностей, Айт и Никэ были профессионалами. Поэтому, когда вдали послышался топот тяжелых армейских ботинок, Никэ электронным кейгеном открыла дверь одного из подсобных помещений и они спрятались внутри, ожидая пока патруль пройдет мимо. Ни единого лишнего звука. Только сверток в руках у Айта слабо пошевелился. Никэ почувствовала, как в ней вновь начинает закипать злость. Они явились вовремя. Еще бы день-другой, максимум неделя, и его бы распотрошили на внутренние органы, кровь и плазму для исследований. Посмертных.

Внутренний интерком тихим сигналом пискнул в наушнике — Зак волнуется. Ничего, они с Айтом еще не израсходовали расчетные двадцать три минуты. Патруль ушел и Никэ первая выскользнула из подсобки, подскочила в угол коридора, плавно развернула камеру видеонаблюдения в другую сторону. Айт поспешил со своей ношей дальше, бесшумно ступая почти след в след за ночным патрулем. Если бы они не пропустили охрану Института, пришлось бы бежать впереди вооруженных людей, и шанс провала тогда увеличивался процентов на тридцать восемь. А в данном случае Айт и Никэ удерживают тактическое превосходство, преследуя патруль, исследующий чистую территорию, на которой нет никаких следов. Расчетное время — по плану. Сейчас патруль должен свернуть в главный коридор, ведущий к служебным лифтам. Никэ подождала семь секунд и вскрыла дверь на пожарную лестницу ключ-картой, одолженной у одного из охранников внизу. Она вновь пошла первой, вслушиваясь в тишину пространства за армированными дверями, ведущими на другие этажи и в другие коридоры. Но пока что все звуки издавали лишь они с Айтом. Две с половиной минуты на подъем на пять этажей вверх, десять лестничных площадок, двести восемьдесят ступеней. Основной корпус Института, как и всех засекреченных НИИ, уходил своими этажами под землю. А наверху располагался комплекс промышленных сооружений, кукурузное поле с оградой из колючей проволоки под напряжением, далёкий лес, ночь и свобода.

В фойе Института всё было по-прежнему: три охранника в «старательно сонных»

позах караулили вестибюль и закрытыми глазами пялились в мониторы службы видеонаблюдения. Никэ, всё той же ключ-картой, открыла боковую служебную дверь и посторонилась, пропуская Айта, крепко прижимающего к себе нечто, плотно, как сверток, замотанное в изотермическое полотно. Расчетное время — восемнадцать минут. Никэ отбросила ключ карту обратно в вестибюль, брать её с собой не стоило, там мог стоять чип-маячок. Автоматический электронный замок негромко щелкнул, закрывая за ними входную дверь в Институт. Две фигуры в темной одежде стали аккуратными перебежками удаляться от основного здания, прячась и петляя между постройками, отделяющими их от забора и кукурузного поля. Сам забор представлял собой конструкцию из железных рам, высотой около двух метров, с натянутой на них сеткой-рабицей и спиралью Бруно поверху. И всё это под напряжением гораздо выше, чем бытовые триста восемьдесят вольт. Перебраться на территорию НИИ было проще, чем теперь предстояло с неё выбраться. Тогда на руках не было похищенного и ценного объекта исследований. И времени на обесточивание периметра не было. Но Никэ профессиональным взглядом уже окинула забор и выбрала бетонную стойку, к которой крепились железные рамы. Она пригнулась возле стойки и скрестила кисти рук ладонями вверх. Айт понял с полукивка, коротко разбежавшись он наступил Никэ на ладони и она, хрипло выдохнув, толкнула Айта вверх. Если бы было время и настроение, можно было бы полюбоваться, как аккуратно он, вытянувшись в прыжке, перемахнул забор, не зацепившись о него даже кончиком мягких ботинок. Приземлился Айт не так мягко, мешал сверток, пришлось кувырнуться, чтобы погасить энергию прыжка. Никэ он встречал уже стоя на ногах. Она в свою очередь тоже легко перепрыгнула опасный забор, используя бетонную стойку, как опору для рывка вверх, и приземлилась по-кошачьи, прильнув к земле и быстро оглядываясь назад. Тишина.

Раздвигая колышущиеся стебли кукурузы, Никэ и Айт пересекли поле, замирая и пригибаясь к земле, когда рядом пробежал луч прожектора. У кромки леса стоял замаскированный ветками внедорожник. Айт уложил свою ношу на заднее сидение, а сам сел за руль. Никэ отбросила маскирующие автомобиль зеленые ветки и сама забралась на заднее пассажирское, осторожно заглядывая в разворачивающийся кокон из покрывала. Её взгляд встретили две расширяющиеся флуоресцирующие точки и еле слышное рычание.

— Очнулся, — она тронула за плечо, заводящего мотор Айта и он что-то коротко и невнятно хмыкнул. — Ты больше туда не вернешься, теперь ты свободен. Еле жив, но свободен. Двигай, Айт. А то Зак мне сейчас всё ухо пропищит.

Внедорожник тихо выехал из подлеска и, не включая фары, покатился вдоль поля, прячась за стеблями густой кукурузы. Никэ, придерживая сверток, чтобы не упал на пол, услышала тихий, но такой человеческий и полный боли вздох, что вновь заставила себя прикусить губу, чтобы не разразиться проклятиями. Она сдвинула рукав и нажала сенсор на браслете, передатчик в ухе тут же откликнулся тревожным голосом Зака с одной единственной просьбой: «Докладывай».

— Операция завершена, объект находится у нас, живой. Отбой, — откинувшись на спинку сидения, она подтащила сверток поближе, уложила к себе на колени, чтобы можно было выпрямиться.

Из-под покрывала показалась голая человеческая ступня, больше похожая на птичью лапку, худая и с выпирающими костями. Через несколько секунд пальцы на ноге растопырились, словно разминали сведенные судорогой и затекшие мышцы.

— Потерпи еще немного, скоро будешь бегать, — Никэ старательно смотрела в окно, в ответ ей вновь раздалось тихое рычание, а нога спряталась обратно в кокон из изотермического полотна.

Примечание к части Предновогодние чудеса существуют. И то, что Сергей Данилов уже привык считать болезненной фантазией, внезапно оказывается реальностью, которая смотрит на него необычными желтыми глазами.

Глава 1. Привет из прошлого

В три часа ночи дороги пусты. Так же пусты, как и голова после двадцати часов сверхурочной работы. Правда, Сергей уже давно привык к авралам и внезапным незапланированным суткам на работе, да и дома его никто не ждал. Но возвращаться по ночному городу со звенящей пустотой в голове — не самое любимое занятие. Особенно зимой, когда подъездные дороги, если и чистят, то так, что лучше бы просто солью посыпали и не трогали. Укатанный снег под колесами куда лучше полузамерзшей лужи, чуть припорошенной снегом, на которой даже шипованная резина может запросто скользить, увеличивая траекторию торможения. Декабрь выдался почти таким же, как в детстве: с глубокими пушистыми сугробами и прихватывающим за щеки и нос морозом. Огромные хлопья снега, порхавшие почти весь день, лежали ковром на нерасчищенных участках дороги и лишь в свете давно зажегшихся фонарей поблескивали мелкие льдинки. Весь город готовился к предстоящему празднику. Кое-где в окнах уже задорно мигали разноцветные гирлянды, в такой поздний час выполняя скорее роль ночника. Но, по закону подлости, для Сергея этот суматошный день никак не мог закончиться спокойно.

Сергей заметил возникшую буквально из ниоткуда человеческую фигуру почти вовремя, резко вдавливая педаль тормоза в пол. И даже не смотря на совсем маленькую скорость, он услышал характерный звук столкновения, когда что-то падает на капот. Фигура резко пропала из зоны видимости. Неужели упала под колёса? Сбить человека во дворе своего дома — это какое-то изощренное невезение. ДПС придется ждать ночью еще часа два, если не больше. В дом не зайдешь потому что нельзя покидать место ДТП, торчать всю оставшуюся ночь на улице — так и околеть недолго. Скорая, правда, приедет быстро.

Проклиная свою усталость, Сергей резко вздернул ручник и выскочил из машины. Перед капотом, почти упав под колеса автомобиля, кто-то лежал. Сложно было понять кто это: весь укутанный в черную одежду, в шапке и с капюшоном на голове, рядом валялся рюкзак, из которого что-то выпало. По размеру тела точно не ребенок. Хотя откуда бы им тут взяться в три часа ночи? Мог быть один из бездомных, которые иногда любили ночевать в подъезде серегиного дома, или прятаться на чердаке. Наверняка еще и пьяный, иначе как объяснить, что он свалился прямо под колеса с тротуара, не заметив еле катящуюся машину с включенными фарами. Капот вроде бы не помят, значит, мужик приложился о него не сильно, но, наверное, лбом, когда автомобиль его толкнул и упавший потерял равновесие. Чтобы определить в каком состоянии упавший, нужно было или вытаскивать его из-под капота, или сдавать назад машиной. Сергей, подумав буквально пару секунд, наклонился и крепко схватил лежавшего на снегу за воротник, а потащил его на себя, уверенный в том, что мужик просто мертвецки пьян, поэтому не шевелится и не матерится на весь двор.

— Эй, ты живой там? — пострадавшего тормозить было запрещено, поэтому Серёга просто уложил человека на спину и потянулся, чтобы откинуть капюшон куртки.

Под капюшоном показалось худое лицо, полускрытое под растрепанными черными волосами, тень от одежды и кровь из разбитого носа делала лицо похожим на маску кровожадного упыря. Что у лежащего на снегу пострадало кроме носа понять было сложно. С виду — больше ничего. Но человек лежал неподвижно, может, всё же сотрясение мозга?

— Так, ладно, вызовем тебе скорую, — из кармана дубленки Сергей достал мобильный телефон, — Сначала тебя в травмпункт, потом уже дорожно-постовую.

— Нет. Нахер скорую. Вместе с патрульными.

Сбитый замолчал и тут же попытался встать, оскальзываясь рукой в снежной каше и падая обратно на асфальт.

— А? — Сергей глянул вниз на мужчину, внезапно заговорившего глухим и хриплым, наверное пропитым, голосом. — В смысле, нет?

— В прямом, — пострадавший прекратил попытки встать, с трудом сел и потянулся к лицу.

— Да ты же головой ударился! Вдруг сотрясение? — опешил Серёга и на некоторое время забыл про телефон в руке. — Кружится? Ну, голова кружится? Тошнит?

— Все в норме, — немногословный мужчина не стал вытирать подбородок или ощупывать нос, а первым делом натянул капюшон поглубже.

— Точно головой приложился, — Сергей покачал головой и вновь разблокировал телефон. — В пьяном состоянии сотрясение куда хуже, так что, тут уж без вариантов — я звоню в скорую.

— Нет. Никакой скорой, — в хриплом голосе появились какие-то угрожающие нотки. Он наконец оставил свой капюшон в покое и неуверенно встал на коленях, собираясь окончательно подняться на ноги. — Все в норме.

— Да в какой, блин, норме?!

Очевидно, что попадать в больницу пострадавший по каким-то личным причинам не хотел. Что подозрительно, ведь скорую медицинскую помощь оказывают всем, даже тем, у кого нет медицинского полиса. Может, там в больнице у него кто-то знакомый работает, кому он на глаза не хочет попадаться? Вариант с тем, что мужик не хочет светиться в больницах потому что в розыске, Сергей сразу же отменил как самый идиотский, фантастический и навеянный криминальными боевиками. И тем не менее, бросить упряма на улице в сугробе и пойти домой лечь спать, Серёге не позволяла гипертрофированная совесть и болезненная любовь к справедливости.

— Ладно, хорошо, скорую ты не хочешь, — он одновременно подхватил пострадавшего под локоть, позволяя на себя опереться, и подтащил за лямку чужой

рюкзак. Встать мужчине, похоже, было сложно и он так или иначе поскользнулся, пытаюсь держаться прямо. — Но раз уж я тебя сбил, то позволь хотя бы чем-то помочь.

Сергей сказал это уверенно, хотя до конца пока и сам не мог понять, чем именно помочь. Еще и в три часа ночи. Для начала, надо бы этого мужика дотащить домой и умыть его от крови, а там посидит, согреется, если станет хуже, то, может, и на травмпункт согласится. Пострадавший, видимо, и сам не решил, чего он хочет — то пытался оттолкнуться от Серёги, то цеплялся за его руку пальцами, когда начинал оседать обратно на землю.

Весь путь до своей квартиры на четвертом этаже Сергей до конца не мог понять, что именно в сложившейся ситуации его бесит и выбивает из колеи. Проще всего было бы сказать — и самому себе — что виноват вот этот вот незнакомый чувак, болтающийся ночью по двору и падающий с тротуара под колеса автомобилей. Но совесть и обостренное чувство вины давили на Сергея, не позволяя так просто оправдаться. Ведь всё-таки за рулем машины был он, и именно он не успел заметить и затормозить. И данный факт, чем больше он об этом задумывался, тем больше вызывал тревогу. Заторможенные рефлексy и скорость реагирования, и всего-то в тридцать два. А еще накопившаяся хроническая усталость и рассеянное внимание от недосыпа. Наверное, пора брать отпуск и чесать куда-нибудь на моря, в тепло и отдых, ну или хотя бы на дачу к маме. А, может, пора вновь браться за себя и возвращаться к интенсивным тренировкам, пока от сидячей работы задница не стала квадратной, а живот — толстым. Ведь всего же тридцать два, а разваливаться на ходу очень обидно.

По лестнице поднимались медленно. Пострадавший почти полностью осел и навалился на Сергея всем своим весом, но ноги кое-как переставлял. Сергей тащил его вверх по ступенькам, пытался и мысленно ругался. И только на площадке у квартиры до него дошло, что от поддерживаемого за плечи странного мужчины абсолютно не пахло ни алкоголем, ни застарелым перегаром, ни свежим спиртовым духом. И одежда у него была, не сказать, чтобы очень чистая и новая, но и не заношенная по свалкам и нищим притонам. Не было того характерного спёртого вонючего запаха, которым несло от бездомных. Вообще ничем не пахло. Холодом разве что несло, при чем так, словно Сергей тащил на себе огромную сосульку. Может, обморожение? Потерял ключи от квартиры и ждал на улице? Тогда почему в подъезд не зашел, дом старый, входные двери открываются с пол-пинка. Странно.

Дверь в свою квартиру Сергей открыл, еле успев подхватить падающее бесчувственное тело, которое затащил за плечи в прихожую, мысленно ругаясь еще сильнее. По коридору в комнату тащить было неудобно, у потерявшего сознание мужчины оказались очень длинные ноги и руки, которыми он за все цеплялся. Пришлось оставить прямо на полу в прихожей, подложив под голову его потертый рюкзак. Сергей сбросил дубленку и принялся осторожно переворачивать пострадавшего на правый бок, подумал, и расстегнул на нем куртку, чтобы быстрее согревался. Что еще можно было сделать в домашних условиях при сотрясении мозга? Метнувшись к холодильнику на кухню, Серёга вытащил из морозилки пакет овощей, чтобы приложить ко лбу лежащего на полу, в ванной на полке под раковиной забрал аптечку и схватил еще первое попавшееся под руку полотенце, чтобы вытереть кровь, он вернулся в коридор и присел у тела мужчины. Когда Сергей стянул с головы незнакомца капюшон, открылось худое лицо с

заостренными скулами, которое могло принадлежать как молодому парню, лет двадцати трех, так и вполне взрослому мужчине за тридцать. Из-под капюшона и спутанных черных волос показалось длинное ухо и Сергей застыл в ступоре. Слишком длинная и заостренная ушная раковина напоминала ухо эльфа из фэнтези-сказок. Серёга, не веря своим глазам, наклонился ниже, пристально всматриваясь в показавшееся внезапно знакомым лицо и тихо охнул.

— Ты?!..

Незнакомец пошевелился, повернул голову и открыл глаза. Неожиданность пополам с нахлынувшими воспоминаниями лишила Серёгу дара речи. Лежащий у его ног мужчина, казалось вышел из того самого 2006го года, прямиком из-под одного Чеченского селения высоко в горах. Взгляд неестественно ярких желто-янтарных глаз был почти таким же странным, как и тогда. Только теперь к цепкому удивлению, бликами отражавшемуся в нем, примешивались настороженность и непонимание.

— Это же ты? — Серёга всё ещё не был уверен в том, что находящийся перед ним парень не является галлюцинацией или бредом больного сознания. — Шесть лет назад. Харсеной. Возле Аргунского ущелья. Точно ты.

— Допустим, — охрипшим голосом согласилась галлюцинация и отползла к стене возле двери, настороженно сверля Сергея взглядом неестественно желтых глаз.

Что он знал об этом парне со странными глазами? То, что он мог двигаться словно тень — абсолютно бесшумно и так быстро, что не всякий за ним поспеет. То, что ему местные чеченцы там, в ущелье, дали прозвище Черный Призрак. То, что не всякий в одиночку смог бы выжить там, где Сергей Данилов встретил этого желтоглазого в первый раз. И то, что каким бы ни был этот парень хлипким на вид, убивать он умел. И убивал. Но сейчас сидел на полу перед ним, жмурился от света и медленно оглядывался вокруг, явно решая обо что бы опереться, чтобы встать. Данилов быстро задумался, прав ли он был, что так просто впустил этого чужака к себе домой? Эти его странные глаза. Разве такие бывают у человека? Но Сергей как-то не воспринял эту диковинку всерьез. Линзы, наверное. Хотя... Зачем кому-то носить фриковые линзы зимой и ночью. Странно. А ведь в Аргунском ущелье, под перекрестным огнём, такие линзы бы уж точно никто не надел. Раньше Данилов помнил только цвет глаз. Сейчас он вспомнил, что они и тогда, шесть лет назад, были такими. Кошачьими, что ли. Флюоресцировали. Однако тогда эта деталь показалась слишком сказочной. А теперь он пока еще не решил, как к этому относиться: задавать ли вопросы, наплевав на бестактность, или стараться не обращать внимания и не смотреть «Призраку» в глаза.

Серёга тихонько сглотнул ком в горле и протянул полотенце:

— Приложи к носу.

— Почему ты не изменился? — желтоглазый с сомнением посмотрел на ткань в протянутой к нему руке, но, после секундного колебания, взял и приложил к нижней половине лица, промакивая кровь из разбитого носа.

— Мне некуда больше меняться. Зачем? Но... Значит, это всё же ты. — Сергей не

отрывал от сидящего напротив человека взгляда. — Это глупо, но... Ты настоящий?

— Наверное, — голова незнакомца склонилась к плечу, отчего он стал неуловимо похож на огромного пса, прислушивающегося к странным звукам. Во взгляде, отблескивающим желтизной, сквозило явное недоумение. — Почему некуда больше меняться?

— Ну, — Сергей помедлил, не зная зачем он вообще отвечает на эти странные вопросы, сидя на полу собственной прихожей. — Потому что меня устраивает то, какой я сейчас. А седину в волосах никуда не денешь. Или ты о чем? Подожди, глупости какие. Как тебя зовут?

— Ты всё такой же. Внутри. Не понимаю, — игнорируя вопрос про имя, «Призрак» шмыгнул носом и отер подсыхающую уже кровь с подбородка.

— Я сам не понимаю. Но такой вот я есть. И уже поздно меняться. Не мальчишка всё-таки. А что, это плохо? — говорил Сергей негромко, понимая насколько по-идиотски он сейчас выглядит со стороны.

— Нет. Наверное, — взгляд желтых глаз вперился в Данилова, всматриваясь в черты лица, в серо-голубые глаза, словно ища там ответ на неизвестные вопросы.

Сергей в ответ во все глаза рассматривал лицо странного гостя из прошлого. Худое и казавшееся изможденным, с четко очерченными скулами о которые, казалось, можно было порезаться. Темные круги под глазами стали заметней. Глубокая кровотокащая царапина шла поперек спинки прямого носа. Сергей рассматривал внимательно, даже как-то жадно. За прошедшие шесть лет после их первой встречи под Харсеном эти резкие черты расплылись в памяти, потихоньку стираясь. Теперь Данилов скрупулезно восполнял пробелы, прищурившись на поднявшегося посреди коридора мужчину? Запавшие глубоко глаза с темными кругами вокруг заметно добавляли несколько лет в сторону «тридцати с хвостиком». Но вопрос про возраст задавать было как-то неуместно. Хоть он и не женщина, кокетничать вряд ли будет. Сергей вздохнул и сам встал на ноги. «Призрак» не уступал Данилову в росте, и даже немного обгонял. Только худой был. Это не скрывала даже какая-то невнятная одежда в несколько слоев — ветровка, толстовка, водолазка — всё чёрное, всё висит словно на вешалке и явно снято с чужого плеча.

— Я пойду, — владелец желтых глаз двинулся по стеночке к двери, подхватывая свой рюкзак и не отнимая испачканного кровью полотенца от лица так, словно пытался за ним спрятаться.

— А ну, стой, — Сергей вытянул руку вперед, но спохватился и убавил агрессивности в голосе. — Послушай... Пока просто послушай. А я ведь не успел тебе тогда сказать даже просто «спасибо». И сейчас бы не успел. Я всё еще, черт возьми, в ступоре от того, что встретил тебя. Уже второй раз. У меня много вопросов. Очень много. Начиная с того, кто ты и что делал один в Аргунском ущелье, заканчивая тем, как ты оказался со мной в одном городе и одном дворе и... Как мне тебя хотя бы называть. Я вижу, что ответов мне не получить. Сам знаю, что такое гриф секретности. Но хотя бы дай мне возможность тебя поблагодарить. Вот, хотя бы просто так...

Данилов сунул руку в аптечку, которую поставил на полку, на ощупь вытащил из неё полоску бактерицидного пластыря, и решительно шагнул к застывшему у порога гостю. Пластырь был быстро и довольно ровно наклеен на нос молчуну, закрывая глубокую царапину. В ладони остались две узкие бумажки, которые прикрывали клейкую полоску. Сергей сжал их в кулаке и передернул плечами, не зная, что еще можно сказать или сделать. Глупый пакет с замороженными овощами он оставил лежать у обувной полки.

— За что? — мужчина застыл в прихожей с явным недоумением глядя на Сергея. Казалось поступок Данилова настолько выбил «Призрака» из колеи, что вся настороженность слетела с него, наконец показав за все это время чистейшую и искреннюю эмоцию, удивление. — Спасибо?

«Призрак» стоял изваянием самому себе, вопросительно глядя на светловолосого Серёгу и явно ожидая ответа. Только рука метнулась ощупать нос и то, что туда налепил Сергей.

— За жизнь, — Данилов смотрел теперь внимательно и спокойно, но так серьезно, что его ни в коем разе нельзя было заподозрить во лжи. — За это, честно говоря, одного «спасибо» мало. Но я не знаю, что тебе предложить. Поэтому, пока что «спасибо» и пластырь. А потом еще что-то придумаю.

В ответ желтоглазый лишь нахмурился и вновь недоверчиво взглянул на Данилова. Благодарность для «Призрака» явно была чем-то незнакомым и выходила за рамки привычного.

— За жизнь? — он дернул головой, явно не до конца понимая происходящее. — Ты первый человек, желающий сказать мне «спасибо».

— Это не так сложно, как многим кажется. Поблагодарить кого-то за хорошее бескорыстное дело. Смотри. Спасибо, что помог выбраться из засады в Аргунском ущелье. Спасибо большое. Видишь, всё легко, когда от чистого сердца. — Данилов наконец улыбнулся. Странный парень неопределенного возраста со странными тараканами в голове. Как так, не услышать за всю свою жизнь ни единой благодарности. Это что-то из области нереального.

— Видимо, обладают «чистым сердцем» единицы? — мужчина пожал плечами, так словно Данилов был по его мнению и вправду одним на миллион с подобным отношением. На худощавое лицо вновь вернулась настороженность, и еле заметная горечь блеснула в желтых хищных глазах. — Или благодарность существует не для таких, как я.

— Как ты? А что в тебе-то не так? Или из-за этих желтых линз тебе нельзя сказать простое «спасибо»? Не говори глупости. — Серж даже как-то разочаровался. Это было похоже на какие-то подростковые загоны насчет «меня никто не понимает, я не такой как все, я не заслуживаю ничего достойного».

На него вновь посмотрели, склонив голову к плечу. Словно Сергей и в этот раз умудрился сказать что-то из ряда вон. А потом «Призрак» убрал от лица полотенце и наклонился, приближая своё лицо, все так же не отрывая взгляда от лица собеседника,

ожидая увидеть реакцию, к которой привык.

— Это не линзы, — зрачки мгновенно среагировали на движение и свет, сузившись в вертикальную линию.

— Ого, — Данилов растерялся.

Глаза, это, конечно, странно. Но есть ведь болезнь, деформирующая зрачок. Такого эффекта он еще никогда не видел. Но к этому добавлялось, что уши у «Призрака» были самые что ни на есть эльфийские — длинные, слишком длинные и острые. И всё вместе складывалось в сюрреалистическую и даже сказочную картину. Захотелось или проморгаться, или подергать эти уши. Потому что на вид они были самые что ни на есть настоящие. Без швов от косметических операций и следов от сращивания хрящей. И это было настолько удивительно и так сильно выбило Серёгу из привычной колеи, что он с минуту еще стоял и просто пялился во все глаза, то на зрачки, то на уши, не решившись верить в то, что видел. Хотя в конце концов, посмотревшись, он вновь пожал плечами.

— И что? Ну, оно, конечно, очень странно. Вот это вот... всё. Но как оно влияет на то, что ты не заслуживаешь благодарности? — Данилов потер себе переносицу ровно там, где у собеседника был наклеен пластырь. — Я даже маминной кошке говорю «спасибо» за то, что она мне в ботинки перестала ссать. Всё равно не понимаю, что плохого в ушах и эээ... глазах. Феномен какой-то. Но ты, несмотря на это, взял и сделал добро, а значит, заслужил благодарность. Всё просто. Хотя мне жутко интересно, конечно...

На лице «Призрака», хоть и по прежнему в темных разводах от крови из носа, читалось странное сочетание настороженности и недоумения. Он всем своим видом молча и выразительно излучал фразу «Да что с тобой не так, Данилов?!». Разве что черные пряди волос, упавшие на глаза, чуть смазывали ощущение того, что странноглазый сейчас покрутит пальцем у виска.

— Видимо, влияло, — одно плечо незнакомца резко дернулось и он застыл, словно пытался склеить всю свою картину мира воедино. И результат был несколько противоречивым. — Я сделал то, что сделал, потому, что считал это... правильным.

— А я посчитал правильным поблагодарить тебя за то, что ты посчитал правильным сделать. Да сколько можно уже? У тебя точно сотрясения нет? Пойдём чай пить, мне надоело стоять в коридоре, — Серёга кивнул в сторону кухни.

Взгляд желтых глаз больше не был совсем уж безэмоциональным. Или это Данилов за короткое время начал подмечать тонкие нюансы эмоций этого странного мужчины, для которого было непонятным то, что было нормой для обычных людей. «Призрак» одним движением вновь натянул капюшон, пряча себя от окружающих. Медленно и тягуче кивнул Сергею, открыл дверь и шагнул в темноту подъезда, растворяясь там и вновь исчезая из жизни Данилова так же бесшумно, как и тогда, в Аргунском ущелье. Ничего не говоря и не оставив на прощанье ничего, кроме воспоминаний и еще большего количества вопросов.

— Надо было кофе, наверное, предложить... — Сергей вздохнул и закрыл дверь.

Может быть, этот Новый год будет не таким обычным, как всегда. По крайней мере, чувство чего-то приближающегося и необычного заметно усилилось. А своим чувствам Данилов привык доверять.

Примечание к части Вторая встреча. Уже не подстроенная коварным случаем, а такая, которая обязана была произойти. И вот, уютная холостяцкая кухня и кофе позволяют Сергею наконец-то узнать имя своего ночного гостя.

Глава 2. Пластырь, как предлог

Русский народ привык отмечать Новый год не один и не два дня. С размахом, так сказать. По широте души и с традиционным запоем на неделю, с праздными шатаниями до утра, с запуском фейерверков под чужими окнами, с матерными песнопениями и валяниями друг друга в сугробах. Менее удачливые сразу после первого января выходили на работу. Еще менее удачливые — работали в праздник. Серёга не знал к какой категории себя относить, потому что на работу его срочно вызвали первого числа рано утром, а возвращался он оттуда вот только сейчас — спустя три дня и в четыре часа утра. Мешки под глазами тянули вниз, на засыпанную конфетти из хлопушек подъездную дорожку. Урна у подъезда была забита бутылками от шампанского вперемешку с мандариновой кожурой. Сезонный мусор. Главное, не ляпнуть это местному участковому — обидится.

Вот уроды, — лампочку над подъездом опять выкрутили, и в темноте Серж чуть было не поскользнулся на льду.

Надо бы покараулить и выследить, кто постоянно таскает казенные лампы. Но на это постоянно не хватало времени, а остальным жильцам дома номер 64А по улице Потемкина, судя по всему, было глубоко плевать на то, что творится в их доме. Они готовы были подсвечивать мобильниками замок на двери и терпеть темноту у подъезда и в подъезде, только бы не сделать лишнего телодвижения и не перенапрячься, делая доброе дело для всех. Ну и ладно. Он сам сделает.

Данилов тоже достал мобильный, чтобы не отпирать подъездную дверь на ощупь, а в следующий момент отшатнулся в сторону. Слева от двери, в углу, кто-то был. Темный силуэт ожил, сдвигаясь с места и принял уже знакомые Сергею черты. Все та же кепка и тот же наброшенный на нее капюшон черной толстовки. Разве что отблеска неестественно ярких глаз не было видно, да общая потрепанность стала заметна даже в предрассветной темноте. Рука незнакомца выскользнула из кармана слишком легкой для зимы куртки, протягивая Данилову небольшую яркую упаковку лейкопластырей.

— Должен был вернуть, — хриплый голос звучал ровно и безэмоционально, словно не прошло недели с их прошлой встречи.

— Чего? — от усталости и недосыпа Дан еще очень долго пялился на протянутую ему картонную коробочку, даже глаза потёр и проморгался. — Нет, ну это, конечно, тоже повод. Но странный. Хотя, хорошо, что ты объявился. Идём, у меня к тебе разговор есть.

Серж, как и шесть дней назад, говорил спокойным непререкаемым тоном. Вроде бы и не приказывал, но отказа не подразумевал. Только старался скрыть внутреннюю досаду на самого себя. А если бы там был не Призрак? А если бы притаился злой чужак? А если бы... Рядом с почками, у позвоночника тут же остро кольнуло, и заныла старая рана, привычно и тягуче. Ну да, усталость не лучший друг бойца, но расслабляться из-за этого всё равно неправильно. Сергей незаметно скривился, распахивая входную подъездную

дверь. Хотя боец из него теперь так себе. Одно слово — бывший.

— Хорошо? — в голосе скорее слышалось удивление, чем вопросительная интонация. Мужчина вновь застыл, глядя на так и не забранную Сергеем упаковку. Идти Призрак явно не собирался, застыв на месте.

— Хорошо, ага. Мне не пришлось тебя искать по всему городу. Я помню как тебя не могли найти в Аргунском ущелье. Поэтому, хорошо, что ты пришел сам. — Серж оглянулся на неподвижного знакомого, протянул руку — но не к пачке с пластырем, а ухватил Призрака за рукав и несильно потянул на себя, намекая, что приглашение войти всё ещё в силе. — Я не люблю болтать на улице. Идем уже.

Мужчина все так же неподвижно стоял, хотя ощущение напряженности знакомо давило. Губы Призрака сжались в тонкую линию, словно тот принимал для себя некое решение.

— Зачем? — на Данилова посмотрели так, словно он сказал что-то мало совместимое с окружающей их реальностью. — Ты настолько доверяешь мне?

Голова Призрака вновь склонилась к плечу, но он лишь смотрел из-под тени от козырька кепки, чуть неприязненно и цепко, пытаясь прочесть ответ и не слыша слов Сергея, или не желая их слышать, словно тот мог запросто соврать. Лишь через несколько мгновений мужчина вновь «ожил», пожал плечами и скользнул в подъезд.

— Я просто настолько не хочу торчать на холоде, что согласен на твоё общество у меня в доме. Лишь бы в тепле, с кофе и жратвой. — Данилов буркнул и отпустил дверь, позволяя ей захлопнуться.

На лестнице он вспомнил, как чуть меньше недели назад они почти точно так же поднимались с этим странным гостем из прошлого на Серёгин четвертый этаж. Данилову не давало покоя ощущение невнятной иррациональности происходящего. Словно эта предновогодняя их встреча не могла быть простым совпадением. Правда, и в то, что это всё подстроено немногословным таинственным Призраком, не очень-то верилось. Но ведь вот он — опять пришел. Ну какой нормальный человек придет просто вернуть упаковку пластыря взамен одной потраченной на него полоски? Вот и Сергей считал, что никакой. В смысле, никакой нормальный. А значит, этому сутулому гостю от него что-то всё же надо. Только почему-то он не торопился говорить что.

— Ты только из-за пластыря пришел? — впуская гостя в квартиру, Серж вновь отметил как напряженно тот себя ведет, словно его в ловушку заманивают. Наверное, еще не отпустил чеченский синдром. Хотя уже шесть лет прошло. Но некоторых не отпускает всю жизнь, чего уж там.

— Возможно, — Данилову ответили спокойно, но с явной заминкой. Призрак не спешил проходить дальше коридора. Остановился, наблюдая за тем, что будет делать Сергей, и колебался, словно не до конца был уверен в том, как надо себя вести.

— В любом случае, я должен был вернуть тебе долг, — не смотря на сквозящую в действиях Призрака неопределенность, если не сказать неловкость, фраза звучала стандартно, спокойно и уверенно. По тону мужчины это действие подразумевалось как-то само собой: вернуть чужое, потраченное на него. Пусть это был всего лишь лейкопластырь.

— Ага, а как мне вернуть тебе мой долг? Если уж мы об этом заговорили, — Дан подтолкнул своему гостю тапки, не задумываясь, подойдут ли они по размеру. Стандартный мужской сорок пятый «растоптанный». — Выдумываешь фигню всякую. Если я тебе сейчас стопку водки налью, ты мне потом целую бутылку притащишь? Не глупи. Проходи на кухню.

И Серёга махнул рукой на вешалку в прихожей, мол, куртку сюда вешать, туда же, где висела и его верхняя одежда. Чувствуя просто-таки зверский голод, он направился на кухню, зная, что поживиться там особо нечем. Новый год он отправился праздновать в кругу семьи, застолье было там, пока его не выдернули из-за стола, и не пришлось скакать на работу как сайгак по сугробам. А по пути домой припасами обзавестись не получилось. В округе был только один круглосуточный магазин, и тот почему-то именно сегодня не работал. По крайней мере Сергею не удалось достучаться в темное окошко заветной лавки с продуктами. Поэтому все надежды он возлагал на чайник, кофе и початую пачкупельменей в морозилке.

На этот раз Призрак Сергею не ответил. Тем не менее на кухню он зашел в предложенных тапках и без куртки. Разве что капюшон и кепка все еще были на нем. Ночной посетитель явно не любил демонстрировать собственную внешность, предпочитая скрывать ее любыми доступными способами.

— О чем ты хотел поговорить? — Призрак бесшумно встал так, чтобы не мешать Сергею и в то же время иметь вариант отхода в любой нужный момент. Данилов это оценил быстрым профессиональным взглядом, но комментарии опустил. Правда, ощущения, что Призрак вновь исчезнет через пару минут не было. Вместо этого чувствовалось напряжение и настороженный интерес, с которым тот наблюдал за действиями Данилова.

— Не о чем, а о ком. О тебе.

Чайник был поставлен на плиту, а Сергей уже шуршал пакетом со смерзшимися в один ледяной компельменями. Оглянулся на гостя, хмыкнул и вновь отвернулся к плите. Он сам пока чувствовал себя не очень уютно, ощущая за спиной напряженное присутствие, и дискомфорт этот очень уж хотелось развеять.

— Можешь не прятаться под кепкой. Я в прошлый раз уже всё видел. И не маячь у меня за спиной, пожалуйста. Меня это нервирует. Сядь за стол, будь добр.

— Я все равно окажусь у тебя за спиной, — ровный голос раздался буквально в следующую секунду после просьбы Данилова. Дыхание, коснувшееся шеи сзади, было неестественно горячим, но ожидаемого прикосновения не последовало. — Стол находится как раз там, где ты просил меня не маячить. Противоречивая просьба.

Данилов не удержался и вздрогнул. Ком пельменей вывалился из пакета и ухнул в кастрюлю, расплескав воду. Ощущение чужого дыхания на шее исчезло так же мгновенно, как появилось.

— Почему ты хочешь говорить обо мне? — чужой голос на этот раз раздался вроде бы именно оттуда, куда Данилов просил передвинуться.

— Потому что о себе я и так всё знаю, — Данилов огрызнулся, скомкал хрустящий холодный пакет в кулаке и выбросил его в мусорное ведро. Эти трюки и бесшумность, с которой странный мужчина двигался, не то чтобы злили, но добавляли жути общей картине. И Сергей уже был не уверен, стоило ли звать к себе этого чудного человека с необычными глазами и слишком длинными ушами. Но уж если позвал... Серж обернулся и бросил взгляд на уже сидящего за столом, но так и не снявшего капюшон и кепку Призрака.

— Я хочу знать, для начала, как к тебе обращаться. Хоть позывной, хоть прозвище, если имени своего назвать не хочешь. Меня можешь звать как угодно — Сергей, Серёга, Данилов. Давай по-людски, что ли.

Призрак, даже за столом устроившись так, чтобы видеть все окружающее пространство, вновь склонил голову к плечу, собираясь что-то сказать, или спросить, но взглянул на Данилова и промолчал, все-таки сняв с головы кепку и капюшон. Взгляд неестественных глаз был внезапно далек от безэмоциональности голоса до этого. Настороженность? Усталость? «Почему ты такой странный?»

— У меня нет имени, — Призрак моргнул и тихо выдохнул, все так же прямо глядя на Сергея и принимаясь высвобождать из капюшона уложенную вокруг шеи косу.
— Называй Эрр, если хочешь.

— Кофе будешь, Эрр? — чайник закипал, а Данилов и бровью не повел на заявление своего гостя о том, что имени у него нет. Начнёшь сейчас докапываться и переспрашивать, а он возьмет и вновь замкнётся, и замолчит. Пусть уж лучше Эрр, чем вообще ничего.

— Давно здесь живешь?

— Буду... Не помню. Полгода, наверное, — на последний вопрос Призрак явно не знал как ответить. Или не думал о том, сколько времени он находится в городе, отчего ответ несмотря на все такой же ровный голос, казался неуверенным. — А ты?

Эрр решил не дожидаться очередного вопроса и воспользовался возможностью задать вопрос самостоятельно, наблюдая за реакцией Сергея на свои слова.

— А я тут родился, — одной рукой помешивая пельмени, второй рукой Серж дотянулся до полки и достал две чашки, вновь повернувшись к своему гостю спиной. Разговор сдвинулся с мертвой точки, и это немного радовало. Надо продолжать по той же стратегии.

— Отец по службе переехал сюда из Новгорода, познакомился тут с мамой, ну и остался. А ты вообще сам откуда?

За спиной Данилова разлилось напряженное молчание, которое ощущалось затылком. Эрр замолк и погрузился в свои мысли, собрав длинные пальцы в замок и расфокусированным взглядом уставившись перед собой. Но потом пошевелился. Сначала левый большой палец накрыл сверху остальные, потом правый, затем они вновь поменялись местами. Он наверняка думал, что ответить, и сомневался стоит ли этим делиться вслух. Хотя вопрос и был самым что ни на есть обычным, но открываться пока еще малознакомому человеку Эрр, видимо, не спешил.

— Не уверен, что знаю, — Эрр наконец подал голос, расплетая пальцы и исподлобья бросая взгляд на Сергея. Но между нарочито небрежными словами и напряженным желтым взглядом был явный диссонанс. Однако больше Эрр ничего не прокомментировал.

— А в глухомань нашу зачем приехал? Просто последние лет эдак пять народ отсюда наоборот уезжает. Перебираются только по службе или по работе. Работаешь тут? — осознав, насколько ему лень возиться с маленькой туркой и два раза заваривать кофе, Серж попросту сварганил его «по-польски», залив две ложки молотого кофе кипятком. — Пусть минут пять постоит.

— Можно и так сказать. Работаю, — на этот раз ответ был привычно расплывчатым и опять лишенным каких-либо эмоциональных маркировок. За действиями Данилова Эрр следил все так же цепко, но не было похоже, что в ближайшее время он сорвется с места и молча уйдет, как сделал это в прошлый раз. — Ты все еще служишь?

Данилов замаялся и брякнул чашки на обеденный стол. Технически служба для него закончилась четыре года назад, когда он заработал инвалидность и был комиссован по состоянию здоровья. Но сейчас фактически и официально он продолжал работать на ту же контору, правда, уже программистом и оператором технического сопровождения. Но служба действительно завершилась.

— Можно и так сказать, — Сергей кривовато улыбнулся, копируя манеру Эрра отвечать расплывчато. — Чечня мне еще долго аукаться будет.

В действительности это всё было очень грустно, и вспоминать об этом совсем не хотелось. Но на кухне за столом живым напоминанием о прошлом сидел, теребя кончик длинной черной косы, его ночной гость. Сам пришел. А Данилов сам позвал. Но про Вторую Чеченскую действительно очень не хотелось разговаривать, и Сергей решил сменить возникшую тему.

— Тебя, наверное, часто о внешности спрашивают? — Дан забросил в закипающую воду с пельменями пару листиков лаврового листа.

— Стараюсь не демонстрировать. Внешность, — уголок губ Эрра дернулся, сигнализируя о том, что эта тема была для него не такой уж и приятной или безразличной. — Обычно она вызывает негатив.

В его хриплом голосе прорезались рычащие нотки, отчего становилось не совсем понятно у кого именно возникает этот негатив. Судя по всему, даже у самого Эрра его внешность была не в почете. Спустя пару секунд он оставил в покое кончик косы, перестал бороться со спутанными прядями, внимательно глядя на Сергея и ожидая уже заранее известных и стандартных вопросов.

— А почему не изменишь? Ну, это всё, — Дан махнул рукой в направлении собеседника. — Если это так напрягает или самому не нравится, то сейчас же куча возможностей. Ну или махни в Москву. Там всяких фриков полно. Все давно привыкли. Хотя, чего париться так сильно? У тебя рога не растут, лицо не покрыто шерстью и третий глаз во лбу не светится. Ну уши. Ну глаза. Чего страшного-то? Правда, с другой стороны я тебя понимаю. Наш народ не любит непохожих на себя. В детстве тебе, наверное, особенно туго пришлось. С детьми намного сложнее. Они сразу гнобят тех, кто отличается от общей ватаги. У меня лет до четырнадцати уши торчали как лопухи. Сверстники прохода не давали. Дразнили.

На Сергея вновь посмотрели так, словно тот говорил странные и противоречивые вещи. Но Эрр слушал внимательно, не перебивая и не пытаясь как-либо показать, что эта тема ему не нравится.

— Я не выбирал собственное тело. Зрачки невозможно изменить. Подозреваю, что изменение ушной раковины значительно снизит слух, — интонация голоса стала задумчивой. Данилову показалось, что все его слова Эрр воспринимает абсолютно всерьез, и рассматривает как возможный вариант действий. — Не уверен, что изменение внутренних органов также возможно и что-то сдвинется в сторону положительной динамики. Скорее окончательно...

Ночной гость застыл, мысленно сверяясь с известными ему фактами или технологиями. Или же он что-то пытался вспомнить, но лишь странно повел плечом и вновь перевел взгляд откуда-то из бесконечности перед собой на лицо Сергея.

— Не помню детей, — Эрр отрицательно качнул головой.

— То есть, это у тебя врожденные аномалии? С этим сложнее. Попробуй организму докажи, что без них тебе лучше. А с внутренними органами что не так? — Дан потянулся за кофе, но отдернул руку, вспомнив, что он еще не заварился. Сонливость постепенно отступала благодаря разговору.

— Врожденные? Хотя можно и так сказать, — Эрр нахмурился, пытаясь сосредоточиться на вновь идущем в странное русло разговором. В отличие от Данилова, свою кружку Эрр попросту переставил поближе к себе, грея об нее ладони. Он прикрыл глаза и скривил губы в болезненной улыбке. — С ними, скажем так, все не так. Лишь частичное соответствие человеческим органам. Проблема не столько в этом. Сколько в том, что я не являюсь человеком.

— Вечер перестал быть томным, — пробормотал Серега и, не удержавшись, испытующе уставился на Эрра. Сейчас ведь он покачает головой и скажет, что это шутка.

Ну правда ведь? Шутка. Ну?

Но Эрр молчал. На этот раз он выглядел куда более уставшим. Интерес в желтых глазах граничил с подозрительностью, а залегшие под ними мрачные тени делали взгляд Эрра исключительно пронзительным и испытующим. Настолько, что у Сергея зачесалось между лопаток. Особенно, когда он услышал следующий внезапный вопрос:

— Почему ты тогда не выстрелил мне в спину? В ущелье. Любой из вашей группы мог это сделать. Возможно, имели на это полное право.

— А должен был? — опешил Данилов и забыл в очередной раз помешать давно уже всплывшие в кастрюле пельмени. — С чего ты это вообще взял? От добра добра не ищут? Я тогда тащил раненого сержанта, пытался не потерять тебя из виду и следил за тропой, чтобы не наткнуться на растяжку. Остальные тоже еле-еле ковыляли. Нас крепко тогда чечены прижали. Мы уж думали, что не выберемся живыми. А тут ты, словно из-под земли, как чёрт из табакерки. Моргнул, махнул рукой и повёл. Зачем мне в тебя стрелять? Ты как отреагировал на окрик и предупреждение — помнишь? Дёрнул головой и свалил в кусты. Начни мы тогда палить почём зря, привлекли бы к себе внимание. Выбор у нас был небольшой, и его пришлось делать мне — сержант почти без сознания был. А я всю дорогу пытался вспомнить как тебя местные называют. «Черный Призрак». В самую точку. Я всё спрашивал себя почему ты сам в нас стрелять не стал. А тебя, оказывается, тот же вопрос мучил. И я не знаю, что тебе на него ответить. Не выстрелил никто из наших, наверное потому, что в протянутую руку плевать нехорошо. Вот так, Эрр.

— Кто? Как? — Эрр, до этого внимательно слушавший Дана, застыл, так и не донеся до рта кружку. Вопросительно посмотрел на Сергея, надеясь что тот или пошутил, или сам Эрр его плохо расслышал. — «Черный Призрак»?

Совершенно обыкновенное удивление на лице Эрра смотрелось неожиданным и слегка комичным, вкуче с уже ставшим привычным наклоном головы к плечу. Имя, данное ему чеченами и названное Сергеем, было ему откровенно неизвестным и, судя по всему, выбило из колеи.

— Ну, а что, скажешь не похож? Фиг найдёшь, фиг поймаешь, растворяешься буквально на месте, весь в черное замотан — одни глаза светятся. Сам сказал, что не человек. А кто тогда? Призрак и есть. Подходящее прозвище, как мне кажется.

Данилов наконец плюнул на ожидание и сделал хороший глоток немного остывшего уже кофе. Конечно, нормально и правильно сваренный был бы гораздо вкусней, но и так пока сойдет. Он отставил чашку обратно и скопировал недавний жест Эрра, наклонив голову к правому плечу.

— Заметь, я не уточняю кто же ты такой тогда, если ты не человек вовсе. Это твоё сугубо личное дело, оно причиняет тебе, судя по всему, немалый дискомфорт, и я не хочу его усугублять.

— Почему? — Эрр мотнул головой, выходя из состояния абсолютного недоумения и убирая гримасу с лица. — Ты думал о других, переживал о других. Не только о себе. До

сих пор не изменился. По-прежнему думаешь и переживаешь о других больше, чем о себе. Не все люди такие.

— Может, я тоже не человек? — Дан прищурился и двинул плечом. — Ты так говоришь, словно это какой-то недостаток во мне. Меня так родители воспитали. Так я и живу. Привык. Пельмени будешь?

Молчание затянулось. Эрр задумчиво смотрел на Данилова, пытаюсь проанализировать его слова. Наконец кружка в его руке с тихим стуком опустилась обратно на стол.

— Значит, вокруг меня были люди, воспитанные иначе. Или ты действительно не человек. Я не готов оспаривать оба варианта, — он все-таки сделал большой глоток кофе, спокойно глядя на стоящего напротив человека или «не очень человека».

— Призрак, хм... Емкая характеристика.

Пока Эрр молчал, Сергей успел выключить плиту под кастрюлей с пельменями и сейчас задумчиво оглядывался на сидящего за столом мужчину. На вопрос будет ли он есть, гость так и не ответил. Поэтому Данилов пожал в очередной раз плечами и поделил ужин по-братски на двоих, поставил перед Эрром тарелку и выдал вилку.

— А ты действительно пришел только чтобы отдать мне пластырь? — Серёга уселся за стол напротив загадочного посетителя.

— Да. Наверное. Или нет, — тарелку Эрр одарил неуверенным взглядом, но на тему еды промолчал, вновь утыкаясь в кружку с кофе. Тонкие губы сжались в неровную линию, демонстрируя некоторую долю неуверенности с его стороны. — Не знаю, Сергей. После той встречи в ущелье я не ожидал встретить тебя снова. Я должен был отдать долг в любом случае, но... нет, наверное не только, чтобы отдать пластырь. Но не надеялся на разговор. И до сих пор не понимаю, почему ты мне доверяешь.

— Ты мне пока не дал повода не доверять тебе. Бескорыстно помог. Даже восполнил мои запасы пластыря. — Дан глянул на пельмень у себя на вилке, положил его в рот и задумчиво прожевал. — Если говорить о доверии, то я не имею в виду, что я верю тебе как собственной маме и прямо сейчас отдам тебе свои ключи от квартиры. Но вот напоить тебя горячим кофе и накормить чем-нибудь вполне могу. В качестве оплаты моего долга, раз уж на то пошло. Не буду же я от тебя отставать в этом вопросе. К тому же, я и забыл спросить, как долго ты торчал перед подъездом. Не лето нифига на улице. А одет ты как-то совсем не по сезону. Живешь неподалеку?

— Шесть часов. Не больше. Ерунда, — Эрр чуть склонил голову, словно пытаюсь показать, что время ожидания не было слишком завышенным. К пельменям он так и не прикоснулся, хотя и косился на тарелку со странным выражением лица, наверное пытаюсь о чем-то договориться с самим собой. — Нет. Живу где придется. Это... разумно.

— Шесть часов? — Серж перестал жевать и пару раз моргнул. Ему самому, бывало, приходилось так же торчать в снегу, дожидаясь в укрытии. Но назвать это ерундой у

него не повернулся бы язык. — А ты крут. Наверное, действительно не человек. Почему не ешь? Знаю, что не пища богов, но после шести часов на морозе даже недосолённые пельмени лучше чем просто кипяток с кофеином.

Не зная как правильнее реагировать на ту информацию, которую удавалось по капле выуживать из Эрра, Данилов решил пока попросту не подавать вида, что она его удивляет или шокирует. И без того напряженный, как струна, длинноволосый мужчина может закрыться обратно подобно мидии в ракушке, и поди выковыряй его оттуда снова. Минимальных познаний в психоанализе хватало, чтобы вести беседу ровно, перемежая важные вопросы обычными, бытовыми. И, похоже, у него удавался его незатейливый план разговаривать молчуна с необычными глазами.

— Крут? Это действительно ерунда. — Эрр изогнул бровь, явно не понимая почему его ответ был так охарактеризован. Пожал плечами, снова отпивая кофе из чашки и глядя на Данилова уже задумчиво. Быстро моргнул, и тут его рука внезапно метнулась вперед с недоступной для человека скоростью, выбила вилку с пельменем из руки сидящего напротив Сергея, и с той же скоростью подхватила ту в воздухе, не позволив упасть ни ей ни пельменю. — Проблема не в еде. Мой организм больше не желает нормально воспринимать пищу.

Успев лишь дёрнуться вслед улетевшей вилке с насаженным на нее пельменем, Данилов только крикнул и остался на месте. Эрр сидел все так же спокойно, не изменив ни тона, ни дыхания, даже не моргнул, все так же задумчиво глядя на человека напротив себя и не пытаясь больше двигаться или демонстрировать что-либо еще из своих возможностей.

— Сам не ешь и другим не даешь, — оставив свою вилку Эрру в качестве трофея, Серега попросту протянул руку и забрал чужой неиспользованный столовый прибор. Мало ли, начнешь забирать свой, еще ткнут чего доброго в глаз или еще куда. А чтобы не отобрали и вторую вилку, Дан быстренько и на неё наколол пельмешек. — А энергию для всех этих вот фокусов откуда берешь? Потому что, судя по тому как ты выглядишь, запасы у тебя на исходе. Скоро сможешь за шваброй прятаться.

— Увы, — Эрр замер, явно признавая правоту Сергея относительно его состояния. — Пока не нашел способа справиться с проблемой.

Он взглянул на свою «добычу» в руке со сложным выражением на худом лице. Смесь из подозрительности, задумчивости и глубокой внутренней борьбы отразилась в глазах, но результат всего этого был не из тех, которые можно назвать «победой». Вилка вновь опустилась в тарелку, а Эрр отпил из кружки уже остывший кофе. Сергей сидел напротив с очень похожим выражением лица. Его потихоньку начинало доводить до кипения свойство Эрра не отвечать на поставленные вопросы прямо, давая выборочные ответы, да еще и такие односложные. Быть может, это действительно была такая вот характерная черта его гостя. Наверняка она выработалась не просто так и тому были веские причины. Но чем дольше они сидели на кухне, тем меньше Данилов понимал, зачем Эрр вообще согласился зайти к нему. Зачем вообще пришел. Этот глупый пластырь... В голове у простого парня Серёги плохо укладывалось, как такой, прямо скажем, изможденный с виду человек так настойчиво игнорирует бесплатное угощение.

Видок у Призрака был мало сказать «потасканный» — как раз та стадия между «скромненько и бедненько» и «подайте на проезд, пожалуйста». Ну да, он знал таких людей, которые жили на грани бедности, но упрямо отказывались от любой помощи. Принципиальные такие люди. Дан и сам был из таких — лучше сдохну, но просить не буду, всё сам сделаю. Поэтому великолепно понимал сидящего напротив мужчину. И именно поэтому не приставал с этой дурацкой помощью больше чем нужно. Раз сказал, два, три, и хватит. Уж за три раза информация должна была дойти до адресата. А если адресат не реагирует на неё, значит, так надо. Человек он взрослый, мыслит здраво и реагирует вполне адекватно. Хотя да, поправочка — не человек. С этим бы тоже разобраться подробнее, но Сергей отчаянно не хотел спугнуть Эрра. Хотелось узнать о нём побольше. Но с другой стороны, накатывающее раздражение выпирало вперед, и хотелось услышать нормальные ответы на свои заданные вопросы. Данилов балансировал между этими двумя состояниями и раздраженно жевал пельмени, обжигая язык о мясную начинку. И когда показалось дно тарелки, он решился.

— Знаешь, Эрр, давай начистоту. Только не перебивай, дай договорю, — Дан забросил вилку в тарелку и отодвинул её от себя в сторону. — Твоё появление шесть лет назад в ущелье не давало мне покоя всё это время. Это словно очутиться в зловещих сказках братьев Гримм, настоящих, а не их добрых переделках. Ощущение нереальности, когда знаешь, что всё происходит наяву, нервное напряжение... Я пытался рационально себе всё растолковать. Ведь всему на свете есть объяснение. И каждый раз скатывался на какой-то экзистенциальный уровень, объясняя твоё появление расшатанной психикой и нестабильным душевным состоянием. Но проблема была в том, что остальные из моей группы тоже тебя видели. Не все. Поэтому вставал вопрос о массовой галлюцинации и применении опытных образцов распыляемого фенциклидина. Но в организмах не нашли ничего. Равно как и ничего не дал запрос о том, кто еще мог проводить спецоперацию в данном районе. По всему выходило, что под Харсеном были только мы. Но об этом кто-то знал. Нас сдали и мы попали в окружение. И тут ты... Благодарность за спасение отряда была вынесена лично мне, а еще я получил направление к психологу. Списали на нестабильность в виду чрезвычайно стрессовой ситуации. Некоторое время я еще брыкался, а потом поверил, что ты действительно был призраком в моем воображении. К тому же, вскоре мне стало абсолютно не до копания в своих воображаемых воспоминаниях. Я поверил, что мне почудилось. Смешно сказать, но даже в провидение поверил, в знак свыше. А неделю назад увидел этот знак снова, своими глазами. И мало того, что увидел, держал за руку, чувствовал рядом, пока тащил тебя до подъезда и укладывал на пол в прихожей. У меня всю эту неделю такой кавардак в голове творится, что словами эту кашу трудно описать. Я опять запутался и не знаю во что мне теперь верить, ведь я убедил себя, что тебя не было. И вот он ты — сидишь у меня на кухне, пьешь мой кофе и говоришь мне, что ты не человек. И я опять одновременно и верю тому что вижу и слышу, и не верю. Потому что это сложно уложить в голове. И мне очень хочется узнать кто же ты такой, но и страшно, что ты опять окажешься нереальным образом, подстроенным моим подсознанием. Но вот, я прикасаюсь к тебе, и ты реален. А когда я закончу свой монолог, ты встанешь и уйдешь, и я опять буду сомневаться в том, было ли это наяву. Поэтому, я очень прошу тебя, ответь мне только на один вопрос — кто ты?

Эрр сидел тихо, застыв на своем месте и внимательно вслушивался в то, что говорил Данилов. Тонкие губы растянулись в жесткую линию, а в глазах читалось напряжение.

Но он не прерывал монолог, слушая каждое слово и всматриваясь в каждую эмоцию на лице мужчины напротив, оценивая то, что последует после.

— Над Аргунским ущельем в тот месяц не распыляли ничего. Впрочем, подозреваю, разницу различить все равно не смогли бы, — взгляд желтых глаз стал стеклянным, какой бывает у слетающего с катушек солдата. «Взгляд на тысячу миль», как это называли после Вьетнамской войны. Выражение лица Эрра превратилось в жесткую, неприятную маску. — Нет, я не галлюцинация. И не человек. Я — проект 8.0.2-альфа «Арронакс», которого, как ты понимаешь, не существует в реальности, и который вы не должны были встретить. Ни в ущелье, ни где-либо еще.

Он резко замолчал, понимая, что под конец речи стал скалиться. У него были слишком длинные, не похожие на обычные человеческие, верхние клыки. Таких Данилов точно ни у кого не видел, но тем не менее они странным образом гармонировали с какой-то чужеродной и иной внешностью Эрра, у которого сейчас в чертах лица стало сквозить что-то отчетливо дикое и звериное. Ставший совсем хриплым и рычащим голос только еще больше способствовал закреплению этого образа. Через пару мгновений Эрр недовольно мотнул головой, убирая неприятное выражение с лица, глубоко вдохнул, перестал рычать и протянул вперед руку, словно предлагая убедиться в его словах физически. Что он не галлюцинация и не «Черный Призрак», который растворяется в темноте под прямым взглядом. Материальный, слишком теплый для обычного человека, слишком реальный для выдумки, из-за которой пришлось идти к мозгоправам.

Сергей смотрел на протянутую ладонь вперед руку и молчал. А какого ответа он, собственно ожидал от этого странного челове... существа? Естественно, ни о каком таком проекте «8.0.2-альфа» он не слышал. Не для того такие проекты секретят вусмерть, чтобы о них кто-то что-то знал. Но верил ли Серж в существование какого-то такого секретного проекта не пойми чьего правительства? О, да, верил. В свое время, в конце девяностых, прессу наводнили мало того что всякие статьи об НЛО, предсказаниях конца света, истории древних цивилизаций, так еще и домыслы и слухи об экспериментах над людьми. Сейчас уже поутихло, но мало кто не слышал про тайные лаборатории Третьего Рейха и изыскания по созданию сверхчеловека и идеального солдата. Фильмы об этом сняли художественные, с Ван Даммом. Так себе, конечно, но в детстве смотрелись захлеб. А после раскрытия всяких секретных бункеров, разработок погодного оружия и массовых психозов на непонятной почве, страшилки о генетике, биоинженерии и евгенике уже не казались чем-то абсолютно нереальным и несуществующим. А как еще объяснить вот это «чудо природы», сидевшее за столом напротив?

Уже протягивая руку, Данилов ощутил неприятный холодок, пробежавший вверх по позвоночнику и ткнувший его в затылок. «Куда ты ввязываешься, дурак? Сам же знаешь, что за разглашение...» Но передумать он себе не дал, крепко, по мужски пожал чужую ладонь, горячую и более узкую, чем его собственная.

— И что нам теперь с тобой делать, «Арронакс»? — ладонь Серега не выпускал и сам смотрел в глаза Эрру, серьезно и вопросительно. — Ты ведь мне гостайну сдал. Наверняка. Я даже не хочу спрашивать чьей страны. Хотя судя по твоему идеальному русскому — нашей. А что за проект, я не имею права спрашивать, хотя любопытно,

конечно, чертовски. И ты теперь либо рассказать мне всё должен, либо уйти и исчезнуть навсегда, либо убить меня...

На последний предложенный вариант развития событий проект 8.0.2-альфа нахмурился, словно Сергей ляпнул полнейшую глупость. Руку Эрр не забирал, словно позволял окончательно убедиться в полноценности происходящего. Застыл, глядя куда-то за плечо Данилова, словно видел там больше, чем стену.

— ...либо жить дальше. Выходит, что проект я рассекретил тебе еще тогда, в ущелье, раз ты меня запомнил. Об остальном я позабочусь. — голос мужчины был ровным и уверенным, не позволяющим усомниться в этом простом ответе. Обещание звучало жестким, таким, которое приводят в исполнение вне зависимости от результатов, сложности и имеющихся ресурсов. А вкупе с выражением лица Эрра оно казалось чем-то большим, чем просто озвученными планами на ближайшее будущее. — Называй меня «Эрр». Наименование проекта все еще не является моим именем. Пожалуйста.

— Хорошо, Эрр, замётано. Твой вариант мне нравится больше всего, — Сергей прекратил пожимать чужую руку и белозубо улыбнулся. Только тема разговора теперь как-то сбилась, после всех этих страшносекретных проектов и невероятнофантастических открытий. Поэтому Дан, недолго думая, брякнул первое, что пришло на ум. — Еще кофе будешь?

— Нет. Я уже пойду, — желтоглазый «проект Арронакс» быстро выкрутился из-за стола, так и не притронувшись к тарелке с пельменями, а потом как-то неуверенно добавил, — Наверное.

— Я не выгоняю, — Сергей тоже встал, вновь отмечая, что если бы Эрр не сутулился, то разница в их росте была бы гораздо заметнее. — Кофе у меня еще много. И диван свободный есть. Куда ты в такую рань? Птицы еще даже не проснулись.

— Я пойду, — повторил Эрр, удивленно моргнув на незатейливую шутку про птиц со стороны Данилова. За окном было по-прежнему темно, зимой рассветает поздно, и пусть этот час быстро и уютно пролетел за разговорами и кофе, но небо еще даже не начинало светлеть.

— Хорошо, — Сергей проводил своего гостя к дверям, наблюдая как тот вновь аккуратно и сноровисто прячет свою длинную черную косу, наматывая ее вокруг шеи. Одевался Эрр быстро и как-то механически, скупыми рассчитанными движениями. Глядя на это, Данилов не мог вновь не пошутить, придав своему голосу наигранную «прокуренную» хрипотцу. — Но ты, это... Заходи. Если шо.

За что получил очередной удивленный и немного подозрительный взгляд. А затем Эрр как-то по-птичьи передернул плечом и быстро кивнул, надвигая козырек кепки на свои удивительные желтые глаза с вертикальными зрачками. И переступил порог, покидая квартиру и оставшегося стоять по ту сторону двери Данилова, но замялся, остановился и медленно обернулся.

— До свидания, — Сергей потом готов был поклясться, что видел улыбку,

мимолетную и непривычно искривившую тонкие губы. Но видел. Прежде чем проект 8.0.2.-альфа «Арронакс» быстро отвернулся и исчез на лестничной клетке, не вызывая лифт.

Данилов вернулся на кухню в молчании и уставился на злополучную тарелку с ничейными пельменями, оглянулся назад и, хмыкнув, прямо пальцами подцепил один пельмешек, тут же отправляя его в рот. Ну не пропадать же продуктам, особенно на голодный желудок. А когда Эрр придет в следующий раз, надо будет придумать чем его можно угостить. Ведь придет же. Обязательно.

Примечание к части Ты хотел правды? Ты её получил. Не понравилось? Извини, другой у меня нет.

Глава 3. Больше не секретное досье

Четверг всегда считался самым обычным днём. Еще не суббота, но уже и не понедельник. Переходной и проходной день недели. Все ждут пятницу, чтобы законно начать праздновать уик-энд, а четверг... Ну, а что четверг? Ни то, ни сё. У Данилова с этим днём были свои особенные отношения. По четвергам он работал во вторую смену и домой возвращался ближе к пятничному утру, и каждый раз, на протяжении уже пары месяцев, без удивления обнаруживал у входной двери подъезда караулящего его в сторонке Эрра. Станный новый приятель, судя по всему, разузнал Серёгин график работы и решил, что заявляться в гости удобнее всего тогда, когда его смогут увидеть как можно меньше посторонних глаз. В два часа ночи таковые неспящие напрочь отсутствовали, а если и был кто в их доме из упрямых полуночников, то разглядеть укутанную в чёрное фигуру Эрра в плотной ночной темноте удавалось только местным бездомным кошкам.

Эрр окружил себя таким непроницаемым коконом таинственности и загадки, что Сергей, недовольный слежкой за собой, всё-таки терпел и не устраивал разнос уже постоянному четверговому гостю на тему «Нельзя что ли как обычные люди договариваться о встрече?». Свою ночную усталость после рабочей смены он тоже прощал Эрру. И в уверенность переросло то подозрение, что если один раз оттолкнешь этого, решившегося на контакт, мужчину с большими странностями, то никогда эта загадка тебе не откроется. Данилов с тихим приветствием пропускал Эрра в подъезд, а затем и в свою квартиру, ставил на плиту чайник, делал две чашки крепкого кофе — себе с сахаром, Эрру несладкий — и наблюдал как колкая осторожность в желто-рыжих глазах постепенно уходит, уступая спокойствию и доброжелательности. И тогда можно было начинать их привычную уже четверговую игру «Заинтересуй Эрра разговором». Гость почти всегда говорил неохотно, особенно, если тема касалась его самого и его прошлого. Сергей осторожничал, заходил издалека, не давил и не настаивал, если чувствовал, что Эрр старательно уходит от темы, то переводил беседу в другое русло. Это было сродни охоты на очень чуткого и очень опасного зверя. Поэтому Данилов не торопился. Ему действительно был интересен мужчина, сидящий напротив и исподтишка подсматривающий за реакцией на его слова. Но Данилов еще долго сомневался в таком фантастическом самоопределении «не-человек» со стороны Эрра. Это ведь не книга или комикс, это реальность, но настолько неправдоподобная, что не сомневаться было невозможно. Но и рационально объяснить хотя бы необычный внешний вид своего частого гостя Сергей не мог. Да, существует такое отклонение, как деформация зрачка. Хоть и редкое, но вполне обычное явление, когда у человека они принимают каплевидную форму. Но у Эрра, задумчиво поднимающего взгляд к потолку, от яркого света лампы зрачки практически исчезали, сужались в одну тонкую линию, даже не как у кошки, а еще сильнее, а затем вновь расширялись до обычного «змеинового» состояния, когда взгляд отводился от источника освещения. О таких мутациях Сергей не слышал, и найти информацию в интернете не смог. Поисковик подкидывал картинки и ссылки на фэнтези-сагу про героя, который точно так же мог манипулировать зрачками. Всё, что удавалось найти было из того же разряда — сказки, комиксы, фантастика, Люди Икс, мутанты, люди-змеи, люди-кошки, выдумки, мифы и прочие несуществующие фантазии. У

Эрра было только одно объяснение — он «не-человек». Сергей упёрся в эту стену, не зная как её пробить или сдвинуть, и однажды всё-таки задал вопрос, кто же тогда такой Эрр на самом деле.

— Эль, — был дан короткий ответ.

— Эльф? — на всякий случай переспросил Сергей, намекая на длинные уши собеседника.

— Эль, — тут же быстро и, показалось что раздраженно, поправил его Эрр.

И на этом всё. Никаких разъяснений насчет того, кто такие эти самые «эль» и откуда они взялись. «Из Института», — угрюмо огрызнулся Эрр, и Данилов понял, что большего он вытянуть не сможет. Но теперь его занимал вопрос, что это за Институт. В голову лезли фантастические мысли, некоторыми из них он делился с Эрром, но тот только хмыкал и кривил тонкие губы. Сергей готов был поклясться, что ухмылочка была издевательской. Тем не менее, он не менял правил сложившейся игры, в которой нельзя было задавать прямые вопросы, что называется — в лоб. На открытые провокации Эрр не поддавался, утаскивая каждый раз в качестве трофея кружок колбасы с бутерброда на тарелке. Еще одна странная закономерность — накормить гостя чем-то существенней кофе и бутербродов не удавалось. Эрр всегда отказывался от предложенной еды, либо не притрагивался к тарелке вообще, игнорируя её как несуществующий на столе предмет. Даже хлеб от бутербродов не ел. Сергей начал подозревать пищевое расстройство, потому что откормленным его гость никак не выглядел. Но через неделю от колбасы Эрр перестал отказываться, а однажды даже съел целую котлету. Маленькая и по сути детская, но несомненная победа, которую Данилов зачислил на свой счёт.

Их общение постепенно сдвигалось с мёртвой точки. Если не затрагивать биографию Эрра, то с ним можно было довольно легко разговаривать на отвлечённые «мужские» темы, подолгу обсуждая преимущества АКМ над АК74, как в реальной жизни, так и в «Контре». Эрр внезапно оказался геймером, но на предложения зарубиться вдвоём против ботов, неизменно пожимал плечами и отказывался. Хотя по заинтересованному блеску его глаз Сергей видел, что, возможно, скоро на это предложение «клавиатуры и мышки» отказ больше не последует.

А потом Эрр пропал. То есть не то чтобы пропал, Данилов и до этого не знал где живет его новый своеобразный вроде-бы-друг, но Эрр не пришел в прошлый четверг. И в этот четверг, спустя две недели с последних их посиделок, его вновь не было у подъезда. Сергей даже обошёл вокруг дома, но нигде не было притаившейся в тени знакомой фигуры. «Ушел?», — вздор, Данилов не чувствовал себя обманутым или преданным, он не успел настолько привязаться к ушастому со странностями товарищу, да и друзьями они не могли еще считаться. Но осталась горечь и раздражение от неразгаданной загадки, и ощущение проигрыша почти перед финишем. Проигрывать Сергей не любил, как и любой увлекающийся и любопытный человек, выросший на детективах Конан Дойля и Агаты Кристи. Но за какую нитку тянуть, чтобы этот таинственный клубок наконец распутался и привел его к разгадке, Данилов не знал. Эрр не оставил ему решительно никаких существенных зацепок. Поэтому, не оставалось

ничего иного: либо ты смирился и ждёшь, вернётся ли не-человек-загадка, либо ты смирился и не ждёшь. Данилов попросту психанул и пошёл спать. Но утром, вынося мусор, уже помимо собственного желания, искал глазами поджидающего его у подъезда Эрра. Поджидали его только две соседки-пенсионерки со стандартным шёпотом за спиной: «Жениться ему пора! Всё один, да один. Голубой, наверное!» Если бы Сергей оставил им свой мусорный пакет, бабуленьки наверняка с удовольствием его распотрошили бы, выискивая там доказательства своих теорий и подъездных сплетен. Но это за глаза, а когда он с ними привычно вежливо поздоровался, то услышал елейное: «Серёженька, милый, у нас наверное опять бомжи на чердаке завелись. Всю ночь решетка скрипела. Пойди, глянь, а?» Ну конечно, как бездомных алкашей гонять, так участкового не зовут почему-то. Данилов уже, в принципе, смирился со своей ролью подъездного вышибалы. Бабкам всё равно не объяснишь, что не хочется заниматься удовлетворением их прихотей. «Вон какой здоровый, плечи широкие, в спецназе служил, наверное! Чего тебе стоит?» А участкового местные сплетницы почему-то на дух не переносили, скорее всего из-за того, что он отвечал им взаимностью и не церемонился с наглыми старыми перечницами.

Ну и ладно, чердак, так чердак. Обычно стоило только гаркнуть, как бомжи сами высыпались из укрытия, сбегали по лестнице и убирались прочь со двора, оставляя после себя нескоро выветривающееся амбре тошнотворных запахов. Но через некоторое время возвращались, несмотря на новый замок и новую решётку на чердак.

Сергей поднялся на последний этаж и стоял, задумчиво почесывая затылок. На этот раз спиливанием замка не удовлетворились. Это сколько же надо иметь дури, чтобы разогнуть сварные прутья? Какому это богатырю вздумалось переночевать на их загаженном голубями и крысами чердаке? И, наверное, в таком случае, зря он не захватил из дому свой старенький разводной ключ, с ним было бы немного спокойнее.

— Эй, кто тут? А ну, нахер пошли!

На чердак Данилов вошел, по привычке гаркнув во всю мощь легких, так, чтобы неожиданно и веско. Из-под ног прыснули два сидевших у входа полосатых подъездных кота, заполошно зачирикали под крышей неистребляемые и вечно голодные воробьи, с возмущенным курлыканием выпорхнул в слуховое окно отожравшийся на бабкиных семечках голубь. И всё. Никто не кашлял, не копошился в хламе, не канючил заунывным противным голосом: «Ну, мужик, ну ты чего. Ну дай погреться, братишка.» Но тем не менее, тренированное Серёгино чутьё точно подсказывало — здесь кто-то есть.

— Эрр? — Данилов непроизвольно вздрогнул, пара светящихся глаз, направленных в его сторону, явно смотрела куда-то сквозь него, — Это ты?

А кто же еще это мог быть? Сгорбившись сидеть на куче какого-то хлама, застыв подобно диковинной горгулье, и не обращая внимания на пригревшуюся рядом кошку. Бездомная крысоловка подняла голову и теперь на Сергея смотрели две пары ярких оранжевых глаз, фосфоресцирующе гипнотизируя немного растерявшегося мужчину. Он вновь позвал Эрра по имени, и вновь никакой реакции. Пришлось подойти и присесть на корточки, чтобы их лица оказались на одном уровне. Чердачная темнота скрадывала черты товарища, но Данилов почему-то был уверен, что на лице Эрра не шевельнулся ни

один мускул. Это было похоже на какой-то транс, и не было уверенности, что стоит Эрра из него выводить. Но с другой стороны, Сергей не знал сколько этот молчун вот так уже просидел тут. Он протянул руку и аккуратно тронул Эрра за предплечье, не торопясь тормошить и толкать.

— Эрр?

Реакция была мгновенной и пальцы Эрра сжались на запястье Сергея, перехватывая и не позволяя отдернуть руку. Но дальше ничего не последовало: кисть не вывернули в болезненном захвате, не оттолкнули Сергея прочь, но и не дали освободиться из крепкой хватки. Зато взгляд янтарно-желтых глаз стал более живым, чем до этого, пусть и превратился по ощущению в ружейный прицел, словно смотришь в дуло двустволки. Зрачки Эрра из вертикальных быстро стали обычными и круглыми. Он прищурился, будто вспоминая кто сейчас находится перед ним.

— И что ты здесь забыл? — Данилов потянул руку к себе, проверяя как крепко в неё вцепился молчавший Эрр. Крепко. Вроде бы такие относительно тонкие пальцы типичного программиста, а силы в них было достаточно, чтобы колоть грецкие орехи. — Эй, ты меня слышишь, чудище лесное?

— Слышу, — голос был ровным и лишенным эмоций. Констатация факта и не более того. Зато ощущение прицела исчезло, хотя выражение лица Эрра все равно оставалось таким же, как и было. Он разжал пальцы и отпустил Данилова. — Что ты тут делаешь?

— Я первый спросил, — буркнул в ответ Серёга, пошатнувшись от юркнувшей под ноги кошки. — Это вообще-то чердак дома, в котором живу я. Пришел местных бомжей гонять, а тут ты сидишь. И я вот не знаю, принимать тебя за бездомного оборванца или дырка у тебя в куртке, вот тут, носит сугубо прагматический характер, а, может, дорога тебе как память.

Прореха в куртке на плече Эрра была видна даже в полумраке пыльного чердачного помещения. Из неё еще клочками торчали растрепанные нитки то ли свитера, то ли плотной водолазки, в которой Эрр щеголял всё это время. Серж никогда не претендовал на роль заботливой мамочки, но в этот раз странноглазый товарищ выглядел более потрепанным и пришибленным нежели обычно. И, конечно, Данилову было интересно, куда тот запропал на две недели и почему внезапно обнаружился здесь.

— Может, пойдём отсюда? — Сергей поднялся, возвышаясь над всё еще сидящим и нахохленным Эрром, и внезапно спохватился. — Ты вообще как? Ну, чувствуешь себя нормально? А то похож на мертвое какое-то, тобой только детей пугать сейчас.

На указанную прореху Эрр посмотрел так, словно до этого не знал о ее существовании. Но почти сразу вновь взглянул на Сергея, или куда-то сквозь него, легко поднимаясь на ноги.

— Со мной все в порядке, — фраза прозвучала уверенно. Эрр моргнул, обдумывая вопросы Сергея и склонил голову к плечу, наконец сосредоточив взгляд на собеседнике. — Я и есть, в некотором роде, бездомный.

Фразы и движения, вроде бы нормальные, неуловимо отдавали автоматизмом, но для Эрра это было вполне естественно. Как и дырка в куртке, окружающий чердак и собственное состояние, на которое Эрр, похоже, не обращал никакого внимания. Судя по всему, для него все это действительно не имело никакого значения. Или не должно было иметь.

— Да, отсюда надо уйти, — оглянувшись на помещение, Эрр поправил кепку и поднял с пола рюкзак, целенаправленно поворачиваясь к выходу с чердака.

— Ну, пойдем, — Серёга пожал плечами и посторонился, пропуская его первым.

Чердак по-хорошему надо бы закрыть за собой, чтобы на нагретое Эрром место и впрямь не набежали лазавшие сюда и до этого бездомные типчики. Пусть ЖЭК замок какой-то навесит что ли, потому что разжать замотанную на решетке проволоку, после того как отогнули в сторону прутья, вряд ли теперь кому-то составит большую проблему.

— Ты мне пока всё же ответь, что ты тут делаешь? Почему здесь? Почему чердак?
— Данилов решительно не хотел так просто отступить от утоления своего любопытства.

— Потому, что,.. — Эрр запнулся на полуслове, от чего стало заметно, что мысли даются ему с некоторым трудом. — Не было других вариантов.

— А почему сразу ко мне не зашел? — Данилов уже стоял на лестничной площадке, предоставляя товарищу право убрать следы своего пребывания.

Продолжать отвечать на заданные вопросы Эрр явно не собирался. Он лишь задержался на некоторое время, закрывая за ними обоими решетку, и, с виду, легко потянул на себя один из отогнутых прутьев. Сергей мысленно уважительно присвистнул и начал спускаться. Расспросы на время прекратились. За это, не такое и долгое время их общения, Сергей понял, что если собеседник старательно игнорирует некоторые вопросы, то сколько ты их ни задавай, ответа на них не добьешься. Стоило только немного надавить, как Эрр моментально закрывался и отказывался делиться мыслями. Хотя, как оказалось, не такой уж он был и молчаливый. Иногда удавалось увлечь его беседой, и тогда Эрр рассказывал всё сам. Например, какие-то смутные обрывки про какой-то мутный «институт», в котором Эрру довелось провести, судя по всему, довольно много времени, и при упоминании которого у него дергалась верхняя губа, на мгновение приоткрывая слишком белые, слишком ровные и слишком длинные клыки, как для человека. Эту тему Данилов затрагивал чрезвычайно аккуратно. Слово за словом, удавалось сложить не очень ясную картину, детали которой мог прояснить только Эрр. Неохотные и односложные его ответы зачастую лишь нагоняли еще больше тумана в попытки Сергея выяснить интересующие его детали. И в словах Эрра не было ответа на вопрос о том, кто же он на самом деле, откуда он и зачем он здесь.

— Куртку снимай сразу, она грязная, — коридор Серёгиной квартиры как обычно показался ему пустым. Иногда хотелось завести какую-нибудь собаку, чтобы встречала его поздние возвращения домой. Но за собакой нужно следить. И не с его графиком

работы приносить домой животных. Рыбок разве что.

Эрр застыл в коридоре, словно напорвшись на невидимую стену. Он мотнул головой, словно в замедленной съемке, опустил рюкзак на пол и заторможенно взялся за молнию куртки. Взгляд устало замер на лице Данилова в попытке найти в мельчайшей мимике подсказки о том, что будет дальше, но так и не найдя ни одного признака, Эрр как-то совсем уж отстраненно стащил с себя куртку.

— Другой у меня нет, — хриплый голос прозвучал куда более тихо, чем обычно и с явно различимой нотой неуверенности в происходящем.

— Ну тогда она скоро в тряпку превратится, — Сергей протянул руку и замер, ожидая когда ему отдадут эту злополучную одежду.

Дернув уголком губ, Эрр уже не сомневаясь протянул Сергею куртку. Явно поношенную и явно недавно побывавшую в какой-то переделке, равно как и ее хозяин. И хватило одного беглого взгляда на прореху в плече, чтобы картинка-кубики вновь пришли в движение и начали составлять головоломку. Рваный край дырки на плече был не оплавлен, но на материи остались еле заметные на ткани потёки. Сергей поморщился и перевел взгляд на Эрра. На его водолазке, на размер или два больше, чем нужно, примерно в том же месте, что и на куртке махрилась еще одна дырка. Под водолазкой, наверное, была еще какая-то футболка, но и в ней виднелась прореха. Серёга бестактно почти сунул туда нос и покачал головой.

— Зашивать нужно, — не уточняя, что именно требует фигурной штопки — одежда или разодранное плечо самого Эрра, Данилов не моргая уставился в рыжие глаза мужчины напротив. Поиграв желваками на скулах он заговорил внезапно сухим и деловым тоном, словно докладывая о выполненной операции или зачитывая рапорт. — Отсидеться у меня неплохая идея. Других вариантов, судя по всему, у тебя не осталось, раз ты ждал меня на чердаке больше десяти часов. Кровь свернулась и подсохла, но на плече корка еще свежая. Мне в таком пришлось научиться разбираться. Так вот, насчет отсидеться. Я не против, но ты, придя ко мне в поисках убежища, сам должен понимать, что на этот раз я буду задавать совершенно другие вопросы. Ты задал бы их и сам, если бы оказался на моём месте. Не надо смотреть на меня зверем, и уходить в ночь сейчас тоже не надо. Я вижу, что обратиться тебе больше не к кому. Спасибо за доверие, но пора раскрыть все карты. Иначе я не смогу ничем помочь. Идём, кофе сам себя не сварит.

Данилов, хмыкнув, ушел на кухню, унося с собой грязную рваную куртку и оставив Эрра в прихожей принимать такое необычное и сложное сейчас решение — остаться вновь одному, или полностью довериться Сергею. Эрр отстраненно посмотрел на плечо, куда до этого заглядывал Данилов. Сквозь дырку в водолазке была видна неприятная, с неровными краями, рана. Индифферентно поведя плечами и перестав напряженно хмуриться, он взглянул вслед скрывшемуся на кухне Сергею, и стащил свою выдавшую виды кепку.

На кухню он зашел тихо, больше по привычке чем пытаюсь скрыть свое присутствие. Шум кофемолки заглушал любые другие звуки и Эрр уселся на ставшее привычным за это

время место. На рану он больше не смотрел. То ли не считая ее чем-то важным, то ли сразу же о ней забыв как только увидел. Он задумчиво изучал напряженную и прямую спину Сергея, ожидая его дальнейших действий.

Кофе уже побулькивал на плите в большой турке, а Сергей смотрел на него и никак не мог привести мысли в порядок, согнать их в одну упорядоченную кучку. «А что если...», «А вдруг он...», «А зачем ты...» и прочие «зачем и почему» вносили сумятицу и мешали спокойно осмыслить сложившуюся ситуацию. А когда не знаешь с какой стороны подойти к проблеме, лучше всего начать с самого простого.

— Снимай свитер, — просьба сейчас выглядела больше как приказ, но Данилов тряхнул головой и ненадолго отлучился, вернувшись на кухню с объемной сумкой аптечки и, видимо, своей чистой одеждой, аккуратно сложенной и еще пахнувшей ополаскивателем для белья. — У тебя там уже инфекция, времени прошло много. Нужно промыть, зашить, сам понимаешь.

— Со мной все нормально, — Эрр хмуро взглянул на одежду, неопределенно поведя головой.

— Конечно нормально, — Данилов спохватился и снял турку с огня.

— Зачем ты предлагаешь мне свою одежду? — Эрр взялся за горловину водолазки, прикрыл глаза на несколько секунд и замер, скривив губы.

— А кто сказал, что эта одежда для тебя? — Сергей обернулся к Эрру с ухмылкой, — Тебе я пока еще вообще ничего не предлагал. Только попросил объяснить мне, что за херня с тобой происходит и кого мне ждать в гости по твою голову. А одежда... Да пожалуйста, ходи в своём рубище. Тебя в нём скоро по запаху можно будет найти.

Эрр повел носом, незаметно принюхиваясь и несколько раздраженно взглянув на Сергея. Мотнул головой и постарался сдержаться и не оскалиться полностью.

— Никто не придет. Некому. — кое-как справившись с вздрогнувшей верхней губой, Эрр нахмурился. — Запах пока еще недостаточно сильный. Пока.

Он замолчал, странно скривив губы и отведя взгляд в сторону от Сергея.

— Ага, некому. И штопать тебя некому. И одежду постирать негде. И на чердаке ты отсиживался исключительно потому, что за тобой никто не придет. Ну да, конечно. — Поставив чашки с кофе на стол, Данилов уселся напротив Эрра. — Инопланетяне в лечении, питании и друзьях не нуждаются, да? Ты еще скажи, что у тебя должность младшего научного сотрудника в том мифическом «Институте».

Глядевший до этого со злым прищуром Эрр застыл. Его молчание прекратилось, сменившись низким рычанием, не имевшим ничего общего с человеческим. Приглушенный, вибрирующий звук, пробирающий до костей. Темные круги под глазами делали взгляд Эрра еще выразительней, окончательно придавая ему схожесть с каким-то неизвестным Сергею хищником. Не с волком, тех Сергей видел когда-то давно на охоте, куда брал его

с собой отец. Не с собакой, те рычали не так, да и на крупных кошачьих рык тоже был не похож, пусть и вызывал такие же эмоции — убраться куда подальше от источника опасности. Человек не был способен воспроизводить такие звуки, но этот тощий субъект с запавшими от усталости и голода глазами — мог. И продемонстрировал это Сергею впервые за время их не такого долгого и не такого близкого знакомства. И впервые за это время Данилову вдруг стало жутко настолько, что пришлось сжать кулаки, чтобы не выдать внезапной дрожи в пальцах. Вот только как бы ни было стрёмно сидеть с чашкой кофе напротив раздраженного хищника, отступить Серёга был не намерен, нащупав у Эрра точку соприкосновения, от которой он выпадал из своей обычной спокойной немногословности.

— Впечатляет, — разжав кулак Сергей придвинул к себе чашку и заглянул в неё, стараясь чтобы его взгляд, отведенный от потемневших глаз Эрра и его сузившихся зрачков, не выглядел испуганным и поспешным. — Это, конечно, еще больше похоже на характеристику «не человек», которую ты сам себе даешь. Но меня все равно интересует, кто ты нахрен такой и что это нахрен за НИИ, от которого у тебя шерсть дыбом. Может, Институт тебе как дом родной. Был. А потом тебя оттуда пнули, и вот ты скитаешься по чердакам и ищешь как бы им мелко отомстить. Информацию засекреченную у них умыкнуть собираешься? Не знаю, что еще ты там придумал, но я хочу знать правду!

— Правду? — рычание в голосе Эрра зазвучало тише и глуше, но злость в глазах никуда не пропала, — Я покажу тебе правду.

Он потянулся к рюкзаку, стоящему рядом с ним и через пару секунд перед Сергеем на стол шлепнулась толстенная, потрепанная папка совершенно обычного вида. Таких было огромное количество в любой бухгалтерии. Только на этой красовалась полустертая надпись «Проект 8.0.2-альфа».

— Наслаждайся, — желто-янтарные глаза вперились в Сергея со странной смесью злости и горечи. — Я воспользуюсь твоим гостеприимством ровно на тридцать минут, после чего покину твой дом и тебя, обезопасив от себя и всего, что со мной связано.

Эрр поднялся и, больше не глядя на Сергея, развернулся, направляясь вглубь квартиры и оставляя хозяина дома наедине с увесистым документом. Не понятно, какой еще реакции от него ожидал Сергей, но с уходом Эрра Данилов выдохнул, благодарный за то, что ему не прилетело этой толстой папкой в лицо. Пальцы пробежались по шероховатой картонной поверхности — царапины, замятия, измочаленные уголки, наклейка с надписью, затертая постоянными вытаскиваниями с полки, плотный шов от того, что ее доклеивали в процессе использования. Неужели кто-то еще хранит документацию в старых советских скоросшивателях? Хотя, если дело архивное, то оно могло лежать себе на дальней пыльной полке именно что со времен Советского Союза. А Эрр зачем-то его умыкнул. Вопрос на ответ «зачем» наверняка лежит внутри. Сергей открыл папку и сразу же наткнулся на неприветливый, но уже знакомый, желтый колючий взгляд. Сверху на первой странице были вклеены фото Эрра, анфас и профиль. Судя по сохранившемуся качеству, относительно свежим снимкам было примерно лет восемь. Хотя на них Эрр щеголял очень короткой стрижкой и выглядел помоложе, но это точно был он. Значит, «проект 8.0.2-альфа»... Данилов прочел

титულную подпись, выполненную похоже на старой печатной машинке, под фото и на пару секунд зажмурился.

Проект: 8.0.1.-альфа «Арронакс»

Испытуемый объект № 1587/12-Р

Происхождение: внеземное

Тип объекта: гуманоид

Дата обнаружения: 30 июня 1986г

Предполагаемая дата происхождения: 1980–1983гг

Отличительные черты: удлинённая ушная раковина, изменённый зрачок, радужная оболочка обоих глаз желтого цвета, видоизменённые внутренние органы, усложнённая кровеносная система, усложнённое строение гортани, способность к частичной регенерации, усложнённая структура лобной и височных долей мозга, повышенная электрическая активность нервных волокон и участков головного мозга, способность к ментальному взаимодействию, повышенная температура тела.

Физические данные: Плотность мышц выше стандартной. Выносливость выше нормы. Регенерация тканей значительно выше номинальной. Кости плотнее, повышенная сопротивляемость к переломам, гибкость суставов выше нормы. Кожный покров реагирует на растяжение хуже, эластичность мышц повышена.

Умственные показатели: IQ на момент предположительно шести лет выше 125. Усвоение больших массивов данных происходит по ускоренному типу, превышающему человеческий. Обучаемость повышена. Не реагирует на внушение и гипноз. Имеет склонности к техническим специализациям.

Приметы: кодированные маркеры типа QRMT-5 на обоих плечах, маркировка для медицинского вмешательства по ходу позвоночного столба C-7:L-1.

Итак, проект «Арронакс» это сам Эрр. Казалось бы, логично было предположить это с самого начала, но как-то жутко и по прежнему нереально звучала сама идея исследований над человеком. «Гуманоидом», — одернул себя Сергей и вновь зажмурился. Для розыгрыша выглядит всё это как-то совсем уж невесело, и нет смысла его разыгрывать. Данилов отпил глоток кофе, почти не почувствовав его вкуса, и перевернул следующую страницу. Всё тот же безликий сухой машинописный текст, от которого веяло чем-то настолько же безразличным, как от тапка, который раздавил таракана. И здесь, на тапке, то есть на страницах досье, рассматривали одного конкретного таракана с яркими чужими глазами. Медицинский канцелярит читать было трудно, еще труднее было сопоставлять записи с реальностью. Серёгиных познаний не всегда хватало, чтобы понять все используемые в докладах термины. Он прыгал взглядом от одной даты к другой, возвращался на предыдущую страницу, перечитывал, забывая про чашку в руке. Некоторые отчеты он перечитывал дважды, а то и трижды, попросту не желая верить этим ровным черным буквам на старой, выгоревшей от времени бумаге и на новых листах, с лазерной печатью.

14 апреля 1989

Объект 8.0.1-альфа. Повторное обследование.

Проявляет выдающиеся способности к восприятию информации как социальной, так и специализированной. Проявляет выдающиеся способности к владению оружием, тактическому и стратегическому мышлению. Мышление опережает предполагаемый возраст. Внешне выглядит старше на два-три года. Продолжает воспринимать болевые сигналы, противится испытаниям. Показаны усиленные физические меры воздействия.

03 января 1990

Объект 8.0.1-альфа.

Реакция на электрические импульсы в норме. После получения разряда в 6000В была зарегистрирована остановка дыхания на минуту, остановка сердца в течении 30 секунд. Эксперимент проведен трижды в присутствии регистрирующего персонала класса А.

26 июня 1991

Объект 8.0.1-альфа.

Ментальные способности восприятия не ухудшились. Объект замкнут, но послушен. Способности к тактическому мышлению превалируют над стратегическим. Обучение в полевых условиях результативное, показано считать успешным. Реакция на болевые сигналы снижена до удовлетворяющих показателей (нет реакции на массивные повреждения кожных покровов, отсутствует реакция на легкие повреждения внутренних органов, остаточная реакция на механическое повреждение костей). Рекомендовано сменить физическую форму воздействия на электрические импульсы.

10 ноября 1992

Объект 8.0.1-альфа

Реакция на боль отсутствует. Ментальные показатели снижены. Замечена возможность влиять на термические процессы. В ходе эксперимента 87т00 продемонстрировать способности отказался. Форма наказания в виде электрических разрядов не принесла положительных результатов. Объект находится в коматозном состоянии. Наблюдаются судороги, кровяное давление 70\15, дыхание редкое, наблюдается сильная тахикардия. На внешние раздражители не реагирует.

22 марта 1996

Объект 8.0.1-альфа

Необходимость развития медикаментозной зависимости у объекта реализуется в требуемом порядке. Реакция на диацетилморфин положительная, слабо выраженная. Ментальные способности резко возрастают на пике реакции, как и физические. Наблюдается плавное снижение к моменту тяжелого абстинентного состояния. Показано повысить дозировку. Показано опробование смеси диацетилморфина и α -метилфенилэтиламина. Рекомендуются усугубление зависимости до необходимого уровня подчинения.

15 февраля 1997

Объект 8.0.1-альфа

Со времени последнего испытания предельных стрессовых состояний объект в течении 3 часов не подавал признаков жизни. После пульс минимальный, наблюдается сильная брадикардия. Дыхание плохо различимое. Кровяное давление 30\5. Температура тела 39 и снижается. Реакция на свет отсутствует. Состояние близкое к коме III степени. На реанимационные мероприятия реагирует спонтанно.

Травмы: разрыв сосудов левой руки, двойной перелом лучезапястной кости левой руки, оскольчатый перелом правого плеча, надрывы внутренних органов, коллапс левого легкого, переломы реберной клетки слева, трещина тазовых костей, разрыв сухожилий обоих колен, разрыв икроножной мышцы правой ноги, перелом голеностопа правой ноги, оскольчатый перелом со смещением левой бедренной кости, множественные глубокие порезы кожного покрова. Возможно сотрясение или ЗЧМТ. Показано оказание медицинской помощи в минимальном размере и дальнейшее наблюдение за объектом.

2 марта 1997

Объект 8.0.1-альфа

Объект пришел в сознание. Движения заметно затруднены несросшимися переломами. Показатели снижены. Объект не выказывает никаких признаков дискомфорта, не демонстрирует болевой синдром. Испытания принять как удавшиеся. Показано прекратить любое медицинское вмешательство.

К этой же странице был приклеен большой конверт. Сергей не раздумывая открыл его и вытащил стопку рентгеновских снимков, вместе с ней — длинную, сложенную в несколько раз, кардиограмму. Да, это был не розыгрыш. На снимках четко были видны и множественные переломы, и трещины, и осколки кости. И что означало это «медицинская помощь в минимальном размере»? Ему переломы зеленкой намазали что ли? Сергей ожесточенно почесал голову, взъерошив волосы, чувствуя как у самого что-то предательски кольнуло в спине, рядом со старой травмой. Нет, выжить при всех перечисленных внутренних и внешних повреждениях можно. Но вот встать с больничной койки получится, наверное, где-то через несколько месяцев, пользоваться левой рукой — через полгода, а перестать хромать на левую ногу — никогда. Но на следующей странице ждал новый отчет и еще один конверт со снимками, которые противоречили здравому смыслу и всем законам медицины.

5 декабря 1997

Объект 8.0.1-альфа

Объект предпринял попытку к бегству. Объект был задержан в коммутационном помещении РП-76. Умственные функции повышены, уровень стресса находится на критической отметке. Объект получил обширные травмы внутренних органов, сочетанный перелом грудной клетки, вывих обоих плечевых суставов с разрывом сухожилий. Рекомендовано усилить охрану комплекса содержания. Рекомендовано снизить уровень охраны объекта 8.0.1-альфа для дальнейшего выяснения слабых точек защиты комплекса. Рекомендовано повышенный уровень агрессии к объекту. Рекомендовано снизить медицинскую помощь при последующих попытках покинуть периметр комплекса.

Группу гамма-пять рекомендовано утилизировать.

Сергей не задумываясь вскрыл конверт, приклеенный к этому отчету. Выложил снимки на стол в той же очередности, что и первые, складывая их один под другим. Чашка с недопитым кофе сдвинулась на противоположный край стола, подальше от документации. Не медицинская карта, а тактико-техническая характеристика объекта. Именно это слово лучше всего подходило для определения того, что лежало перед ним. Объект... как о БТР пишут.

Он смотрел снимки на просвет попарно, словно играя в детскую игру «найди пять отличий», и натренированный взгляд находил их достаточно быстро. Не нужно было быть медиком, чтобы различить как два края беловатой кости все еще не срослись до конца, как белеют отломки в мягких тканях на одном снимке и, став почти незаметными, все еще просматриваются на другом. Как кость, сломанная чуть меньше года назад отломилась выше линии старого, еще не до конца зажившего перелома. Снимок за снимком, как странный, пугающий паззл, из которого «объекту 8.0.1-альфа» необходимо было собраться обратно в рабочий инструмент.

Когда Сергей дошел до фотографий, сделанных на месте, по всей видимости, «задержания» Эрра, он поджал губы и встал, очень аккуратно отодвинув от себя папку и ощущая острую необходимость пройтись, а то и закурить. В голове не укладывалось, как такое можно было сделать с человеком. Нет, не с человеком. Но какая, по сути, разница? И непонимание лишь усиливалось последними строчками этого холодного, отстраненного отчета. Как в таком состоянии можно было вступить в бой и отправить пятерых «на утилизацию»? Нужно быть или глупцом, или сумасшедшим. Или находиться в том беспросветном отчаянии, когда все равно как — хоть бегом, хоть ползком, но выбраться из того места, в котором он значился как «объект».

В ванной включилась вода и Сергей обернулся на звук. Эрр умудрился тихо пробраться по коридору мимо кухни. Прошла уже примерно треть от тридцати минут, выданных им на ознакомление с документами. И, с одной стороны, от того, что уже успел прочитать Сергей, на душе было так паршиво, что возвращаться к изучению досье не хотелось. А с другой стороны — он теперь просто обязан был узнать, чем эта потёртая папка заканчивается и какие у Эрра в связи с этим перспективы. Брезгливо затолкав рентгеновские снимки обратно в конверты, Данилов вновь перевернул страницу.

18 июня 1999

Объект 8.0.1-альфа

Стандартный производственный эксперимент 17-а. Показатели на полигоне максимально эффективные. Физические реакции на высоком уровне, превышают среднюю норму в пять раз. Реакции на остаточные физические повреждения не выказывает. Реакция на боль отсутствует. Реакция на серию стандартных вопросов отрицательная. Реакция на физические травмы остается в требуемых пределах. Эксперимент считать положительным. Показано усилить тренировочный процесс, повысить умственный стресс.

Короткий, даже спокойный отчет сменился длинным, на половинке обрезанного листа

офисной бумаги, покрытой желтоватыми потеками, из-под которой виднелся край очередного плотного пакета.

09 декабря 2001

Объект 8.0.1-альфа

Объект находится в тяжелом абстинентном синдроме после принудительного лишения «поощрения» в виде смеси трех наркотических веществ искусственного происхождения (1-(1-фенилциклогексил)-пиперидин, 7,8-дигидро-6-дезоксиморфин, N-метил-1-фенилпропан-2-амин). В состоянии галлюцинаторного возбуждения пытался вырваться из кистевых зажимов при помощи травматичной ампутации правой кисти при помощи физических средств. Ярко выраженные «животные» инстинкты. Отсутствие реакции на физические травмы, отсутствие реакций на медикаментозные препараты. Реакция на электрический ток положительная. Рекомендация привести объект в состояние близкое к коме выполнена, кисть сохранена. Показано минимальное медицинское вмешательство. Показано максимальное ментальное и умственное напряжение, психологический стресс. Показано максимальное физическое напряжение.

Для того, чтобы открыть пакет пришлось применить почти физическое усилие над собой. Бумага поддалась легко, от чего плотные фотографии хаотично высыпались на стол. Яркие, цветные, с замусоленными от частого просмотра уголками. Навсегда запечатлевшие распластанное на полу камеры тело, вначале издали, потом ближе. С присущей всякой подобной фотографии сухости и беспристрастности показывая рваную глубокую рану, ярким штрихом выделяющуюся на коже запястья, несмотря на запекающуюся вокруг кровь, которая покрывала почти все вокруг. Белеющие кости, рваные ошметки желтоватых сухожилий, темные пласты оторванных мышц легко просматривались сквозь лоскутья оставшейся кожи. Сплошное кровавое месиво, очищенное уже от корки засохшей крови для того, чтобы снять все в подробностях. Сергей старался не смотреть на фотографии, на которых было видно выглядевшее безжизненным посеревшее лицо с открытыми желтыми глазами. Взгляд сам собой двигался от одной снятой сцены к другой, перепрыгивая с отвратительной раны, на странные татуировки на плечах, потом на шрамы от старых ранений, подмечая, сопоставляя, запоминая уже как факты, а не как яркие вспышки собственных эмоций.

Сергей дотянулся до чашки с давно остывшим кофе. Сделал глоток, чтобы смыть странную горечь от всего увиденного холодным отрезвляющим напитком. Рука все-таки дрогнула, но кофе на кучу фотографий не пролился. Нужно было читать дальше, чтобы понять как Эрр оказался на свободе.

30 марта 2004

Объект 8.0.1-альфа

Объект показывает хорошие результаты в «слепом» обучении. Степень физических повреждений в пределах нормы. Функции памяти не повреждены, протекают на высоком уровне. При введении препаратов α -метилфенилэтиламина показатели повышаются. Пять из пяти объектов класса «омега» подлежат дальнейшей утилизации. Объект получил ранение предплечья, оскольчатый перелом пястных костей слева, оскольчатый перелом

голении правой ноги, вывих правого голеностопа. Медицинская помощь не показана. Рекомендуется усилить тренировки. Рекомендуется снизить период отдыха до минимума в пятнадцать минут. Рекомендуется длительность непрерывного обучения в пять суток.

15 ноября 2007

Объект 8.0.1-альфа

Стандартный производственный эксперимент 17-а, дополнение 5. Показатели объекта в норме. Демонстрирует высокую реакцию, повышенную умственную деятельность. Скорость принятия решений выше средней в пять раз. Дополнение 5 «слепой бой» пройдено успешно, превышая предыдущие показатели в два раза. По окончании эксперимента объект вновь предпринял попытку пересечения периметра комплекса А для последующего бегства. Агрессия объекта повышена. Объект выходит из зоны допустимой безопасности для персонала. Рекомендуется повысить дозировку медикаментозных средств. Рекомендуется усиление режима содержания до класса С. Рекомендуется повысить стрессовую компоненту до максимально возможного показателя. Рекомендуется увеличить временные промежутки между введением наркотических смесей для достижения более глубокого абстинентного стресса. Рекомендуется усилить защиту персонала и средства сдерживания объекта с электрических на огнестрельные. Эксперимент считать положительным.

13 августа 2009

Объект 8.0.1-альфа

Полевые испытания по выживанию в зоне текущего военного конфликта считать успешными. Объект преодолел заданные 250км по пересеченной местности в зоне активных боевых действий не выказав своего присутствия. Объект отклонился от заданного курса. Объект успешно ликвидировал объект-8а и произвел успешную ликвидацию техники в зоне СП-5. Объект получил три пулевых ранения (левое плечо с сопутствующим переломом плечевого сустава, разрывом мягких тканей, повреждение пястных костей левой руки, касательное ранение тканей предплечья), сложный перелом локтевого сустава правой руки, множественные разрывы мягких тканей, механическое повреждение острым предметом подколенных сухожилий вследствие агрессивного поведения при попытке бегства за 10км до точки прибытия. Действия группы захвата Омикрон соответствовали рамкам задачи. Объект находится в загруженном состоянии. Введена двойная доза наркотической смеси. Рекомендуется минимальная медицинская помощь. Рекомендуется усилить контроль поведения. Рекомендуется трехкратно повысить дозы наркотических смесей. Рекомендуется повысить уровень стресса на пять недель.

К плотным конвертам со снимками и фотографиями Сергей почти привык, складывая их как пазл в единую, уже почти сложившуюся картину. Новые кусочки лишь дополняли картину планомерного то ли уничтожения, то ли испытания уже привычного «объекта 8.0.1-альфа». И лишь отчет за 2009 год отдался в спине нехорошим холодком. Что мешало Эрру уйти сразу, как только он вышел на испытание? Почему прошел до самого конца и лишь не дойдя эти 10 километров был схвачен «при попытке бегства»? Неужели он рискнул своей возможно свободой ради того, чтобы...

Данилов дернул уголком рта, словно раскусил что-то крайне кислое. Тогда, в

Аргунском ущелье, Эрр остался на своей «Дороге Смерти» только для того, чтобы вывести его группу? После всего того, через что он прошел, у него осталась толика сострадания? Или это было что-то другое, понятное только этому странному не-человеку?

Последние отчеты были отпечатаны на современной бумаге явно современным же принтером. Почти без заломов, потертостей и следов частого использования. Словно «объект 8.0.1-альфа» отложили в долгий ящик, вытаскивая на свет лишь в редких, критических случаях.

27 февраля 2011

Объект 8.0.1-альфа

Объект находится в критическом состоянии. Ментальные, умственные и физические способности угнетены. Дыхание ровное. Давление нестабильно. Сердечная деятельность угнетена и представлена частой сменой тахикардии и брадикардии. Присутствуют экстрасистолы. На внешние раздражители реагирует слабо. Медикаментозное вмешательство минимально. Рекомендации: дальнейшее наблюдение.

18 марта 2012

Объект 8.0.1-альфа

Состояние объекта критическое. Умственные способности угнетены. Сознание спутано. На внешние раздражители не реагирует. Речь бессвязная. Демонстрирует потерю памяти и выпадение секторов зрения. Дыхательная функция стабильно угнетена. Сердечный ритм угнетен с ярко выраженной брадикардией, пульс нитевидный, слабый. Давление 45\5. Кровеносная система повреждена. Газы в крови достигли критических значений. Системы организма находятся в угнетенном состоянии. Предполагается повреждение долей мозга. Предполагается критическое повреждение нервной системы. Предполагается наступление комы III степени в скором времени. Рекомендуется наблюдение без медицинского вмешательства.

06 октября 2012

Объект 8.0.1-альфа

Объект потерян. Местонахождение объекта неизвестно. Рекомендуется проводить активный поиск вплоть до обнаружения объекта. Рекомендуется передача объекта в корпус Гамма для заключительной обработки. Дело передано в отдел П.

Сергей знал одно и точно: в таком состоянии и с такими показателями долго не живут. Даже в коме. Даже, может быть, не-люди. И уж точно — с такими травмами и повреждениями невозможно взять и сбежать. Сомнительно, что кто-то смог бы встать с больничной койки и устоять на ногах. А это значит, что наверняка кто-то помог Эрру исполнить его желание оказаться как можно дальше от этого Института. Кто-то, кто оказался достаточно сострадательным или просто имел свой интерес в этом почти умершем, судя по прикрепленным кардиограммам и энцефаллограммам, существе. Меркантильный расчет мог сыграть свою роль. Эрра мог попросту перекупить аналогичный исследовательский институт. Точнее, не перекупить, а выкрасить. Здесь

можно было долго гадать, что же произошло шестого октября два года назад. Начитавшись досье, Сергей уже не мог утверждать что-либо относительно уверенно насчет Эрра. Потому что судя по предыдущим попыткам побега с недосросшимися костями, невозможно было предположить, на что еще способен этот уникальный не-человек.

Во рту осталась горечь уже давно выпитого кофе, а на душе было еще горше. Ведь Эрр не остановится, он продолжит бежать. За кем или от кого, он, Сергей, вряд ли узнает. Потому что уже через семь минут «8.0.1-альфа», как и было обещано, вновь уйдет, и теперь уже точно не вернется ни в следующий четверг, ни через два месяца. А куда он пойдет? На каком чердаке будет ночевать и будет ли у него возможность выпить хоть раз в неделю горячий настоящий кофе?

Обнаружив, что нервно меряет шагами небольшое пространство своей холостяцкой кухни, Сергей остановился, прислушался к звуку льющейся воды, и решился.

— Оставайся.

Эрр неудобно примостился на бортике ванны, заглядывая в немного запотевшее зеркало и зашивая плечо не очень ровными, но уверенными стежками. На раковине стояла небольшая пластиковая аптечка, видимо его собственная, потому что Серёгины запасы медикаментов в тумбочке под раковиной он не тронул. И, казалось, не услышал короткого обращения, затягивая узел кривой медицинской иглой.

— Оставайся, — Сергей повторил и дождался, когда Эрр поднимет на него осторожный взгляд.

Повисшее молчание разбивала струя льющейся в раковину воды. Никто не шевелился и не отводил глаз. И Сергей увидел как медленно расширяется узкая черная полоска хищного зрачка, превращаясь в чёрный провал, недоверчивую бездну, из которой наружу плескалась какая-то усталая обреченность.

— Зачем? — Эрр не вытирал карминные потёки на плече, просто аккуратно отложил в сторону иглу с остатком нити.

— Здесь лучше, чем на чердаке, — Сергей пытался найти рациональный ответ, который действительно объяснит зачем и почему. Но этот ответ нагромождался кучей слов и слишком наигранных предложений. И нельзя было словами объяснить то, что Так Было Правильно. Данилов это чувствовал, но не знал как сказать, поэтому протянул Эрру полотенце и пожал плечами. — Чтобы бежать дальше, надо накопить сил. Почему не здесь? К тому же, тебе нравится мой кофе.

— Почему? — залегающие под глазами тёмные круги, сделали взгляд Эрра еще более мрачным и усталым. — Почему ты сменил свое мнение и решил предложить остаться?

— Я тебя никогда и не выгонял. А после того, что прочитал, и не смогу выгнать, — Сергей немного потеснил Эрра, открывая тумбочку под раковиной и протягивая ему теперь уже чистый бинт, а не полотенце. — Это всё... Всё это бесчеловечно, жестоко,

абсурдно. Пусть ты и не человек, а, как ты говоришь, эль, но такое... Так нельзя. Я просто хочу помочь. Не знаю как, но хочу. Это правильно и естественно, и ты это заслужил. И, если уж на то пошло, то у меня в квартире нет жучков в стенах и проводке, канал интернета зашифрован, а записи камеры наблюдения из магазина на автобусной остановке я могу стереть в один клик, — и, так как Эрр продолжал молчать, Сергей продолжил, всё быстрее жестикулируя рукой с бинтом. — Я же вижу, ты сам никогда не попросишь о помощи. Я такой же. Был... Поэтому я предлагаю её тебе сам. Оставайся, Эрр.

Когда Сергей замолчал, Эрр протянул руку и закрыл кран над раковиной, после чего поднял голову, дернул уголком рта и взял у Данилова бинт.

— Ты прав, кофе у тебя действительно хороший. Можно... мне еще чашку?

— Можно, хоть две, — Данилов понял, что улыбается. И самое главное — ему улыбнулись в ответ, пусть и кривовато, зато искренне. А с этим уже можно жить дальше. Но сначала — кофе!

Глава 4. Ленинкент

- Дан!

- А?

- Не спи, замерзнешь!

- Иди в жопу! - Серега подышал на замерзшие кончики пальцев и вновь взялся за цевьё, почти прилипая щекой к обжигающему холодом корпусу своего АКМ.

Всю ночь был ноль, а под утро температура упала на пару градусов, и теперь трава хрустела под ногами инеистыми иглами. До восхода оставалось еще полчаса. Низину, где укрылся отряд, заволокло вязким мокрым туманом. Противно и трудно дышать, зато маскирует хорошо. Только вот лежать на брюхе надоело. Спасибо термобелью и "горке" за то, что внутренности сухие и яйца не отмерзли. А вот пальцам в коротких перчатках холодно. Но ничего, осталось еще немного подождать. Где-то там, с другой стороны улицы Школьная должны сейчас точно так же ожидать сигнала местные силы МВД. Только они, скорей всего, сидят в машинах, греют задницы и смотрят на медленно светящее на горизонте небо. Улица Терешкова, пересекающая улицу Школьную, была в Ленинкенте самой окраинной, за ней тянулись нескончаемые поля. Чем их засеивали по весне, Данилов не знал. Да и знать не хотел. Но именно оттуда, из-за полей, лениво вставало солнце. Значит, уже скоро.

- Эй, Дан!

- Ну?

- Как думаешь, нас опять за местных федералов выдадут?

- Да хоть за ка-гэ-бэ-шников. Жрать хочу.

- А в тюрьме сейчас обед - макароны...

- Заткнулись, вы, оба!

- Так точно, товарищ майор!

И еще полчаса морозного безмолвия. Пятое февраля, а снега нет. Только иней. Дагестан. Десять километров до Махачкалы. Им здесь такое привычно, а вот Серёгу почему-то бесило. Зима? Значит, должен быть снег! В снегу, между прочим, гораздо теплее, нежели в мокрой грязи. Снег чистый, белый, пушистый - как кошка. Только скрипит под ботинками, зараза. Но красивый. Дан надеялся, что это всё скоро закончится и он еще успеет побродить по своему городу, заснеженному и угрюмому, но красивому и тихому под белым покрывалом. А война, говорят, скоро кончится. Хотя в СМИ Вторую Чеченскую не принято называть "войной". Для всех она официально - КТО.

Контртеррористическая операция. Но на самом деле-то...

- Полетели, журавли! - сухой и краткий сигнал в наушнике вывел из оцепенения.

- Курлы-курлы! - тут же отозвался справа Сеня с позывным Карабас, одним движением ладони стряхивая иней с бороды.

От окраины поля, где укрывался отряд, до означенного дома по прямой всего сто пятьдесят метров. Это недалеко. От дома к дому, от забора к забору. Главное, чтобы ничья собака не залаяла. Всех соседей эвакуировали ночью, тихо и по одному. Остались только два дома с общим двором, куда вернулись на постой боевики из "Джамаат Шариат". Информаторы клялись и божились, что сюда заявился сам "амир Дагестана" - Умар Шейхулаев. Это было бы редкой удачей - взять лидера террористической группировки. Поэтому МВД для подстраховки вызвали ОМОН, но вместо него прислали группу Серёги. Так ещё надежнее.

Снайпер остался на месте, но выбрался из низинки, аккуратно упирая сошки винтовки в мерзлую землю. Дан с Карабасом и майором Житловым юркнули за старую покосившуюся бетонную автобусную остановку с облупившейся краской, установленную, видимо, еще в том самом 1965-м, когда здесь поселок зарегистрировали. При Союзе всё основательно делали, на века. Хотя, что там оно, "при Союзе", Серёга и не помнил толком - мелкий еще был совсем и сопливый. Но кому и когда это мешало рассуждать о том, что "вот раньше было лучше!". Серёга Данилов не рассуждал. Он знал и верил, что то, что было раньше - оно было и его не исправишь, а чтобы "сейчас" было лучше, надо потрудиться. И старался как мог. Вот, в ГРУ подался. Так сказать, по стопам отца. Решил, что если не мозгами, так руками поможет сделать это самое "Лучше". Да, именно с большой буквы. А о том, получается ли, судить уже не ему.

МВД-шники тоже подтягивались. Из-за угла со стороны улицы Школьной высунулась голова в шлеме. Карабас показал ей кулак и голова исчезла. По плану операцию должна была начинать их группа, а МВД прикрывали. По сути, вся эта операция была обычной зачисткой. Те, кто прятался до этого по лесам, к зиме потянулись в тёплые дома, и брали их там, разомлевших от лени и местного алкоголя. Не всегда это было легко. Боевик, даже пьяный в стельку, всё равно не раздумывая жмет на спусковой крючок при первом же подозрении на опасность. И тогда начинается затяжная перестрелка, в ходе которой гибнут мвд-шники, бойцы, а иногда и гражданские. Словно мало было потерь среди мирного населения за все эти годы.

Житлов дал отмашку, и Серега встrepенулся, пригнулся и сделал шаг вперед. Под подошвой скрипнул покрытый инеем камень. Дан поспешил убрать ногу, чтобы не оступиться, но всё равно споткнулся. Выпрямился он тут же, успев поймать краем глаза неодобрительную мину майора и то, как быстро крестится левой рукой Карабас. Плохая примета. Данилов в приметы не верил, и сам был человеком неверующим, выросшим в семье атеистов. И вопреки тому, что "не бывает атеистов в окопах под огнём", так и не уверовал. Хотя за эти пару лет видел всякое. Такое, после чего в его густой и светлой шевелюре прорезалась внезапная и пока редкая седина. Но всё равно - крестик он не носил и молиться отказывался. Предпочитал верить в то, что оружие не даст осечку, если его периодически чистить и смазывать, а не читать над ним литании и брызгать его

святой водой. Вот и сейчас он не остановился, чтобы поплевать через левое плечо в бороду Карабасу или перекреститься левой пяткой. Просто пошел дальше и, пригнувшись, перебежал через дорогу, быстро присел у покосившегося забора, выцеливая темные окна. За ним такими же перебежками потянулись остальные. Карабас открыл калитку. Тощая мохнатая дворняга, высунувшись из конуры хрипло и залиvisto залаяла. Но недолго. Её тукнуло прямо в глаз и отбросило обратно глубоко в конуру. Позывной у снайпера был “Индеец”, потому что “Зоркий Глаз” и белку с двухсот метров в жопку. Жалко псину, но ничего не поделаешь.

Серёга уже перебрался поближе к крыльцу, когда входная дверь приотворилась. Наверное, всё же услышали собаку. С трудом удалось остановить дёрнувшийся на спусковом крючке палец. На порог вышла совсем еще молоденькая девушка, на вид - лет пятнадцать, вся укутанная в не по размеру большой, с чужого плеча бушлат, и яркий платок. Вряд ли чья-то сестра, судя по выпирающему даже из-под бушлата животу. Хотя... Местные нравы иногда казались Данилову по-настоящему варварскими. Когда за взгляд, за жест, за слово могли убить или искалечить. Просто так. Потому что по какому-то их закону - имели право. И такие вот девчонки, которые сами еще почти что дети, но уже с собственными детьми на руках - обычное дело здесь. Вот и этой до родов оставалось от силы пару недель, судя по тому как тяжело она переступала с ноги на ногу.

Видимо, она шла к колодцу за водой или в сарай к козе. Потому что, увидев морду Данилова, а точнее одни его глаза сквозь дырки в черной маске, выронила эмалированное ведро, застыв с дрожащими губами.

- Тш-ш-ш, тихо. Тихо. Иди сюда. Не кричи, - Серёга подзывал её жестами одной руки, то прикладывая палец к губам, то маня её к себе пальцем. Не хватало только, чтобы она подняла крик и разбудила спящих в доме.

Девушка испуганно косилась на АКМ у Серёги в руках и не двигалась с места. Её пронзительно чёрные глаза округлились и не мигая смотрели на медленно подходящего к ней Данилова. Он опустил автомат дулом в землю и протянул к беременной руку ладонью вверх, предлагая спуститься с порога. Там, за воротами, её подхватят МВД-шники и уведут куда-нибудь в машину, или сразу в роддом отвезут, если переволнуется. Сколько ей? Совсем еще девчонка. У Дана дома было две сестры. Младшей, Катюхе, как раз недавно четырнадцать исполнилось. Он смотрел на дагестанку, а видел свою сестру, потому и звал её ласково. Знал бы как зовут - по имени бы окликнул. А так только и оставалось, что уговаривать девушку не кричать, аккуратно прихватив за локоть и увлекая её прочь с порога. Понимает ли она его, Серёга не знал, но надеялся, что спокойные интонации его голоса скажут больше слов.

И девушка пошла за ним, наконец-то сбросив оцепенение и больше глядя себе под ноги, чем на страшную безликую маску Данилова. Сергей бы провел её дальше, мимо Карабаса, присевшего за стоящим во дворе стареньким “горбатым” “Москвичом”, мимо майора Житлова, перегородившего тропинку на заднюю часть двора. В калитку уже потихоньку протискивались бойцы МВД. Вот им на поруки Дан и намеревался сдать дагестаночку. Но они успели сделать всего два маленьких шага, когда откуда-то из дома послышался негромкий окрик и звонко хрупнуло стекло, осыпая Серёгу крошевом

осколков. Со стороны дома загрохотали выстрелы. Пули, свистнув совсем рядом с головой Данилова, с гулкими хлопками забарабанили по “Москвичу”, за которым тут же послышалась ругань Карабаса. МВД-шники бросились врассыпную по двору, открыв ответный огонь по окнам. Сергей с беременной девушкой оказались между двух огней. Дан быстро пригнулся, бросился поближе к стене дома, чтобы его не зацепило шальным огнём. А дагестанка заметалась на месте, не зная бежать ей прочь от крыльца или обратно в дом.

- Пригнись! Да отойди ты за угол! - кричал ей Серёга.

Но девушка в панике ничего не соображала. Оступившись на скользкой бетонной дорожке, она осела на землю и попятилась обратно к дому, прижимая руки к животу и жалобно что-то причитая. Понимая, что не может ей сейчас ничем помочь, Дан медленно крался вдоль стены, выцеливая окна, если из них кто-то покажется. Он планировал вновь подняться на крыльцо, открыть дверь и проскочить в дом, чтобы отвлечь внимание шариатовцев, которые не позволяли группе захвата подойти ближе. Быстро толкнув входную дверь, Серёга буквально нос к носу столкнулся с одним из бойцов “Джамаата”. Оба в один момент опешили, но Данилов среагировал быстрее. Получив в лицо прикладом автомата, дагестанец взмахнул руками и повалился на спину. Из его разжавшегося кулака что-то выпало, гулко ударилось о деревянный пол и покатилося Серёге под ноги. Дан знал что это. Гладкие оливково-серые бока РГД-5 не спутаешь ни с чем. У него оставалось где-то четыре секунды.

В голове, словно из учебника, возникли строчки: “РГД-5 - наступательная ручная граната, Индекс ГРАУ - 57-Г-717. Прицельная дальность - 30-50 метров. Радиус поражения - 15-20 метров”. Какая там прицельная дальность, когда зачастую приходится метать просто “туда”, куда-нибудь рядом. Но в учебниках можно было еще и не такую формулировку встретить. Эти слова еще стояли перед глазами, когда Сергей, развернувшись, рванул обратно на улицу.

Три секунды.

Сразу за порогом, взобравшись по ступенькам, сидела местная девушка, прижимая руки к большому, видному даже из-под бушлата, животу. Её тёплый цветастый платок сполз с головы, открывая черные как смоль гладкие волосы. “Зацепит,” - подумал Данилов. Это не урок по математике, тут не надо было особо считать. От коридора, где лежал оглушенный боевик, до крыльца было от силы три метра. Примерно три шага. И три секунды.

Две секунды.

Сергей моргнул. За порогом сидела его сестра Катюха. Огромные и перепуганные её серые глаза смотрели на родного брата с какой-то болезненной надеждой. Конечно, старший брат, Серёжка, поможет, защитит, спасёт... Главный мужчина в семье, как-никак. После смерти отца он остался единственным, кто мог помочь, подставив крепкое плечо. Утешить мать, отвести сестренку в школу, найти подработку после занятий в универе. Хочешь не хочешь, а взрослеть пришлось рано и быстро под весом внезапной ответственности за своих любимых женщин. И сейчас одна из них, самая младшая,

медленно растворяясь в уже незнакомых чертах лица дагестанской девушки, смотрела на него, ожидая защиты. Раздумывать было некогда, Сергей прыгнул вперед, накрывая собой беременную и вжимая её в доски крыльца. “Главное - быть ниже уровня взрыва на таком малом расстоянии”, - а это уже голос прапорщика Мякишева, который возился с ними в учебке, - “Но если ты, болван, выронил гранату себе под ноги, то считай что ног у тебя уже точно не будет. Поэтому, постарайся за четыре секунды успеешь убрать свою жопу подальше.” У Данилова оставалась еще целая секунда. Он вжался лицом куда-то в мягкие и пушистые смоляные волосы, так по-домашнему пахнущие сдобой. Осталась одна секунда...

Взрыв хлопнул позади, резко отрубая все остальные звуки вокруг. Гулкая тишина разлилась в голове, быстро конденсируясь где-то в затылке и отдавая ударами крови в висках. Ощущение, похожее на то, когда тебя с размаху огреют большим пыльным мешком со всяким тряпьем. Но с тишиной можно справиться, она скоро пройдет, а вот внезапная и резкая обжигающая боль в спине заставила Сергея стиснуть зубы так, что хрустнула челюсть, но она тут же куда-то отступила на задний план, и словно растворилась. Оглушенный взрывом и дезориентированный он продолжал втискивать чужую ему девушку в доски у порога, слабо соображая, что происходит вокруг. Совсем рядом с лицом мелькнули чьи-то знакомые ботинки. Истоптанное сотнями ног за много лет крыльцо почему-то стало кружиться, складываясь геометрически правильными пятнами, как в детском калейдоскопе. Данилов лежал ничком, и мысль о том, чтобы пошевелиться, совершенно не приходила в его гудящую и раскалывающуюся голову. Спину неприятно что-то щекотало и хотелось сдвинуть лопатки, но на это почему-то не оказалось сил. И он продолжал так лежать, не зная сколько прошло времени, и что происходит вокруг него. А когда с шумом вернулась какофония звуков, выстрелов, криков и еще двух последовательных взрывов, то вместе с ними пришла и настоящая боль. Не та, что пощипывала его между лопаток. Она трансформировалась, безжалостно полосуюя его спину на куски и вгрызаясь в позвоночник. И даже такой сильный парень как Серёга Данилов, не выдержал и с облегчением потерял сознание, утыкаясь куда-то в теплую, слабо пошевелившуюся растрепанную макушку.

Больница была как больница. Белая, чужая и неуютная. Наверное, в Махачкале. Он почему-то не спрашивал. Врач в белой шапочке и с такой же белоснежной бородой, заходивший к нему в палату, сказал коротко и понятно: “Будешь жить.” Как именно - Сергей не уточнял. В тумбочке, в маленькой картонной коробочке лежал осколок той самой гранаты. На память. “Осколочное ранение грудного отдела позвоночника” - наверное, так было записано в его медицинской карте. А может еще как-то более официально. Серёге было всё равно, пока не заканчивалось действие обезболивающего, которое ему кололи несколько раз в день. Слабо подтягиваясь на руках, чтобы лежать повыше, он видел свои ноги, укрытые больничным одеялом, и не чувствовал их. Всё, что было ниже пояса, теперь словно принадлежало кому-то другому, но не ему. Бывало, он просыпался от того, что ему казалось, словно он куда-то бежит. Но ноги по-прежнему недвижимо лежали на кровати. И тогда он сдавленно стонал в закушенный до синяков край ладони. Чувство бессилия было гораздо хуже накатывающей временами боли в спине. Он видел жалость в глазах двух молодых медсестричек, заходивших к нему в

палату. “Такой молодой, красивый - жалко”, - услышал он однажды из-за двери тихий всхлип. Но себя ему было не жаль. Апатия разливалась у него по венам вместе с лекарствами. Он калека и вряд ли когда-либо сможет встать на ноги. Это же самое он видел в глазах заглянувшего к нему майора Житлова, который держался преувеличенно бодро, вспоминая их былые спецоперации и то, как Серёга вывел их из засады в Аргунском ущелье.

- До свадьбы заживет, - Житлов похлопывал его по плечу, отводя взгляд от осунувшегося лица Данилова, заросшего колючей светлой щетиной.

- Угу, - Сергей не смотрел ему в глаза, это было невыносимо.

- Девчонку помнишь? Родила она. Пацан, - единственная приятная новость в этих белых холодных стенах. И Серёга, криво улыбаясь, кивнул на прощание командиру своей группы. Бывшей группы. Калек обратно не берут.

Заходил и Карабас. Заговорщически подмигнув, он поставил на тумбочку бутылку дагестанского коньяка. Данилов отмалчивался, пока Сеня внезапно не выдал ему прямо в лицо:

- Сдалась тебе эта девка. Из-за неё ты теперь тут бревном валяешься. И она родила еще одного дага, который вырастет и пойдет наших стрелять. А ты как идиот её собой прикрыл.

- Уходи, - выдавил из себя Данилов сквозь зубы.

- Придурок, - сказал напоследок Карабас, вставая с больничного табурета и выходя из палаты.

Вслед ему полетела бутылка с коньяком, разбившись о уже закрытую дверь и взорвавшись как та самая граната, осколок которой лежал в ящике тумбочки. Пришлось вызывать санитаров, двух крепких мужиков, которые удерживали Сергея, пока ему вкалывали успокоительное. Он вырывался как мог. Впервые в жизни ему хотелось кричать от злости, боли и обиды. Хотелось догнать Карабаса и разбить ему морду со словами о том, что даже одна спасенная им жизнь придает смысла его теперь уже мало кому нужному существованию. Но Карабас ушел, а Данилов еще несколько раз ударился затылком о стену, пока наконец не затих под действием укола.

Дни текли однообразно. Сергей их не считал.

- Привет, боец, - когда Данилов в очередной раз открыл глаза, у его кровати стоял Алексей Батулин, старинный друг его отца и их семьи. Короткие седые волосы, по-прежнему неизменная военная выправка и теплая отеческая улыбка. - Собирайся, едем домой.

Там, в Москве, его ждал их военный госпиталь и врачи, которые могли творить чудеса. А еще ждала семья - мама и сёстры. И надежда. И Серёга наконец-то искренне улыбнулся.

